

A painting depicting a man and a woman in a grand, ornate interior. The man, on the left, is dressed in a dark tuxedo with a white shirt and a dark bow tie. He is leaning on a white chair with a pink upholstered seat. The woman, on the right, is wearing a voluminous, multi-layered blue and white dress with a ruffled skirt and a white shawl draped over her shoulders. She is looking down at a tray she is holding. The background features a large window with a view of a city at night, a potted plant on the left, and a chandelier. The overall style is that of a classic oil painting.

МОРИС
ДРЮОН

*Такая
большая любовь*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Морис Дрюон
Такая большая любовь

«Азбука-Аттикус»

1967

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Дрюон М.

Такая большая любовь / М. Дрюон — «Азбука-Аттикус», 1967

ISBN 978-5-389-14735-5

Мориса Дрюона читающая публика знает прежде всего по саге «Проклятые короли», открывшей мрачные тайны Средневековья, и трилогии «Конец людей», рассказывающей о закулисе европейского общества первых десятилетий XX века, о закате династии финансистов и промышленников. В настоящее издание вошли сочные, яркие, полные выдумки рассказы М. Дрюона из сборников «Повелители просторов», «Счастье одних», «Несчастье других», созданные писателем в русле великой традиции французской новеллистики. Именно произведения малых форм предвосхитили литературный успех мастера.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-14735-5

© Дрюон М., 1967
© Азбука-Аттикус, 1967

Содержание

Повелители просторов	6
Сигнал «Гончие, вперед!»	6
Дом с привидениями	21
Мурто	27
Ночной патруль	31
Всадник	34
Белокурая девушка	38
Апоплексический удар	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Морис Дрюон

Такая большая любовь

Maurice Druon
LE BONHEUR DES UNS
Copyright © 1967, by Maurice Druon

© С. Васильева, перевод, 2010
© О. Егорова, перевод, 2010
© Л. Ефимов, перевод, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Повелители просторов

Сигнал «Гончие, вперед!»

Рене Жюльяру

I

С охоты ехали шагом. Мелкий осенний дождик, нудный и промозглый, усиливал терпкий запах взмокших лошадей и ароматы вечернего леса.

Кортеж возглавлял одинокий всадник. Под намокшей красной курткой угадывались костлявые, чуть покатые плечи. На поясе висел охотничий рог.

Головкой хлыста он ласково поглаживал блестящую от воды шею лошади. Высокая гнедая кобыла слегка поводила ушами и аккуратно обходила лужи.

– Давай, Дама Сердца! Давай, моя красавица, – вполголоса сказал всадник.

И вдруг, поджав тонкие губы, затрубил сигнал «Гончие, вперед!».

По времени надо было бы трубить «сбор», но рог он не трогал. Он выводил сигнал губами, с детства наловчившись подражать духовым инструментам. Он не пел, а точно передавал звук трубы, и сигнал замирал в лесной чаще.

Голоса едущих сзади псовых охотников тонули в сырой мгле, и было слышно только, как чавкают по грязи лошадиные копыта да как губы всадника до бесконечности воспроизводят один и тот же сигнал.

Неожиданно всадник насторожился и придержал Даму Сердца. Слева из леса донесся визгливый собачий лай. Собака, которая гонит дичь, так не лает. Так лает собака, которой больно. Склонив голову набок, всадник прислушался.

К нему подъехал совсем юный охотник – судя по одежде, гость.

– Месье Сермюи? – робко спросил он.

– К вашим услугам.

– Вы слышали? Говорят, что скотину...

– Зарубите себе на носу, месье, что собака – не скотина.

Тонкие губы приоткрылись, и коротко подстриженные седоватые усики чуть дернулись.

Юноша, который еще только начал ездить на охоту, залопотал, желая исправить положение:

– Прошу прощения. Хотите, я съезжу... посмотрю?

– На что посмотрите? Я уже достаточно взрослый, месье, чтобы самому заниматься своей командой.

И, бросив гостя, барон де Сермюи перепрыгнул через попавшуюся на пути канаву, пустил лошадь в галоп и ускакал в чашу.

Фалды охотничьей куртки развевались на скаку, лужи вспенивались под копытами. Сжав бока кобылы черными сапогами, он безошибочно задавал ей направление между буками, растущими в опасной близости друг от друга. Миновав вересковую поляну и спустившись по откосу вниз, барон поскакал дальше, пригнувшись, чтобы не задеть нижние ветки, поминутно окатывавшие его водой.

Волнующий, желанный простор приближался. Всадник выскочил на заваленную бревнами прогалину.

На другом ее краю, прижавшись к земле, визжала привязанная к дереву собака из лучшей гончей своры. Ее изо всех сил хлестал арапником человек в ливрее.

Сермюи ринулся через поляну и, на скаку вытащив ногу из стремени, ударил псаря каблуком в плечо, да так, что тот кубарем покатился по земле.

Дама Сердца остановилась. Остолбневший от неожиданности псарь, не поднимаясь с земли, тупо глядел на свою окровавленную руку, а собака, в ярости порвав поводок, с лаем бросилась на него.

Псарь съежился, лицо его вытянулось от страха. Для собаки он был врагом и теперь лежал – поверженный, пахнувший кровью. Он понимал, что от лучшей из гончих при таких обстоятельствах пощады ждать не придется.

– Фало! Назад! – крикнул всадник. – Назад, я сказал!

Собака еще раз рывкнула, отвела налившись кровью глаза и угрюмо забежала за круп кобылы.

Псарь, здоровенный смуглый парень с низким лбом, тяжело поднялся, дрожа от страха и гнева.

– Ваша собака меня укусила! – крикнул он и, не выпуская плетки, показал укушенную руку.

– Потому что ты мерзавец и неряха, – ответил Сермюи.

– Укусила, и уже не в первый раз, – повторил псарь.

Он вскочил, замахнулся плеткой, и тут на миг его глаза встретились с узкими серыми глазами всадника, блестящими из-под густых бровей.

Дама Сердца отпрянула в сторону. Сермюи быстрым движением выхватил свой арапник. Плеть шелкнула возле самого лица псаря, но тот как стоял, так и остался стоять с поднятой рукой. И тогда он услышал:

– Ты заслужил хорошую порку. Это ты понимаешь? Все, с меня хватит. Вот Бог, а вот порог! Убирайся, и на этот раз никакого прощения тебе не будет!

Всадник повернулся спиной и ускакал обратно в лес, чтобы занять свое место во главе охоты. Фало, с обрывком поводка на шее и со следами арапника на мокрой шкуре, трусил возле копыт Дамы Сердца.

– Эй, Залом!¹ – позвал Сермюи.

Первый доезжачий² рысью подъехал к нему. Несмотря на преклонный возраст, он ловко и непринужденно держался в седле.

– Я, господин барон!

Доезжачий снял шапку, прижав ее к груди, и дождик принялся барабанить по его лысине.

– Надень шапку, – сказал Сермюи. – Залом, я увольняю твоего сына.

Залом заметил, как по лицу хозяина, от носа к подбородку, пробежала судорога гнева. Доезжачий бросил взгляд на собаку:

– Это из-за Фало, господин барон? Я так и подумал. Всех ваших собак можно узнать по голосу, а уж эту и давно. Я должен был сразу поехать и вмешаться.

Сермюи не ответил. Он пристально вглядывался в клубы пара, поднимавшегося от шеи кобылы после скачки. Доезжачий так и стоял, прижав к груди шапку.

– Это должно было случиться, – снова заговорил он. – С самого начала, как только Фало появился в своре, у них с Жюлем что-то не заладилось. Я ему всегда говорил, Жюлю, что с собаками нельзя давать промашки. Жаль, потому что работник он дельный.

---

¹ Залом – место прохода зверя, отмеченное сломанной веткой. Таково было прозвище доезжачего. (Здесь и далее примеч. перев.)

² Доезжачий – старший псарь, обучающий собак и распоряжающийся ими на охоте.

– Нет, я в нем больше не нуждаюсь, – отрезал Сермюи. – Тем более что он поднял на меня руку.

– Как он посмел! На хозяина!

– Мы оба вели себя как мальчишки. Я его уже не в первый раз укладываю на землю.

Оба на миг замолчали, глядя друг на друга: обитатель замка и обитатель псарни. Они провели вместе целых тридцать лет, которые для хозяина начались в раннем детстве, а для слуги – в лучшую пору жизни.

– Месье всегда был так добр к Жюлю, – сказал Залом.

– Да, но на этот раз хватит. Собаку не привязывают, чтобы наказать.

Залом вдруг резко выпрямился:

– Да, господин барон прав. Это унижение для собаки.

Его мокрые редкие волосы прилипли к голове.

Всадники подъехали к опушке. За лесом начиналась просторная равнина, где ливень чувствовался гораздо сильнее.

– Надень шапку, я сказал.

Залом пошевелил рукой, но шапку не надел.

– Я так полагаю, месье больше не хочет, чтобы Жюль работал на псарне.

– Ни на псарне, ни в замке! Завтра твой сын уедет. Я его больше знать не желаю.

– Ни в замке... – повторил доезжачий. – Простите, господин барон, но Жюль, со всеми его недостатками, – единственное, что у меня осталось... Ну вот... а как же я теперь... – взволнованно закончил он.

И он увидел себя: старого, вдового, как он завтра вечером в одиночестве будет зажигать керосиновую лампу в маленьком домике рядом с псарней. Сына выгнали...

– А ты, старина Бернар, поступишь так, как захочешь.

Назвав доезжачего его настоящим именем вместо привычного охотничьего прозвища, Сермюи дал ему понять, что не держит на него зла. И тут же снова принялся наигрывать губами сигнал «Гончие, вперед!».

Залом понимал, что уже слишком стар, чтобы менять привычки и переходить в другую охотничью команду. Он подумал о том, с чем ему придется расстаться: с красной одеждой доезжачего, с собачьей сворой, с лесом... и с этим сигналом, который для него – как хлеб насущный.

– Что до меня, – сказал он, – то, если господин барон захочет, я останусь.

И глаза старого доезжачего потеплели от собственного решения и размера собственной жертвы. Как был, с непокрытой головой, он придержал лошадь на опушке леса, чтобы хозяин мог первым выехать на простор.

II

Получив приказ о мобилизации, барон де Сермюи сразу поднялся в свою комнату, где его уже ждали приготовленный мундир лейтенанта резерва и сундучок с замками.

– Позовите ко мне Залома, – велел он камердинеру.

Одеваясь и рассовывая документы по карманам офицерской куртки, барон оглядывал в зеркале, причем без всякого удовольствия, свою высокую тощую фигуру.

«Не староват ли я для войны?» – подумал он.

Да нет, ему едва исполнилось тридцать шесть. Разве что седая прядь надо лбом...

Его первая любовница однажды бросила ему в сердцах: «Ты хорош для мужчин, но не для женщин».

Потом у него, конечно, были и другие женщины, но эти слова он запомнил на всю жизнь. Он понимал, что серые глаза, длинный нос и узкогубый рот не добавляли ему привлекатель-

ности. Зато в мужской компании он и вправду был хорош. Он слегка поиграл мускулами под формой, чтобы оценить себя в новом облачении и немного привыкнуть.

Когда вошел доезжачий, барон как раз поправлял ремень.

– Мое боевое седло готово?

– Все сделано, как велел господин барон.

Сермюи достал пистолет из выдвижного ящика секретера.

– Месье очень идет военная форма, – сказал Залом. – Вы в ней смотрите моложе.

– В самом деле? – обернулся барон.

От него не укрылось, как растроган доезжачий.

– Седлай Даму Сердца к одиннадцати, а к полудню скачи на ней в Алансон, в кавалерийскую часть. Если кто спросит, отвечай, что это моя боевая лошадь.

– Хорошо, господин барон.

– И распорядись также, чтобы мои вещи доставили на машине туда же.

Барон спустился по широкой белой лестнице и бросил взгляд на охотничьи трофеи, украшавшие стену. На дубовых дощечках красовались десятки оленьих и кабаньих копыт. В холле столпилась вся прислуга замка. Холостой и бездетный, Сермюи порой остро ощущал свое одиночество.

Он обошел всех, с каждым попрощавшись за руку.

– Возвращайтесь скорее, господин барон, – сказал управляющий. – Здесь все будет в порядке.

– Я на вас надеюсь, Валентен.

Сермюи вышел на крыльцо, и его встретило последнее утро августа. На лужайках уже виднелись редкие опавшие листья. В знакомом до мельчайших оттенков воздухе Нормандии хозяин замка уловил первые запахи, предвещающие осень. Этот охотничий сезон пройдет без него.

Он направился в капеллу. Сквозь цветные витражи пробивалось солнце, оставляя яркие пятна на плитках пола. Сермюи на миг преклонил колени. Здесь под известняковыми плитами покоились его предки, и он пришел поклониться их праху. А если его убьют на войне, то где похоронят?

Когда он вышел, машина была уже готова. Залом ждал его, придерживая дверцу.

– Удачи вам, друзья, – произнес барон.

Он повел машину по песчаной аллее, окаймленной апельсиновыми деревьями в кадках, но не поехал к воротам, а свернул налево, в парк, и остановился перед псарней. Он вошел внутрь с арапником в руках и оглядел собак, учуявших хозяина.

– Фало! – позвал барон.

Подбежал Фало, и глаза у него были грустные, как у всякой собаки, которую бросают. Фало молча ткнулся лбом в колени Сермюи.

III

Рано утром в конюшнях первого эскадрона уже чистили лошадей. Работали нехотя: для тех, кто этим занимался, мобилизация началась с наряда.

Только капралу Жюлю Бриссе занятие это, казалось, было по душе. Он скинул новую рабочую блузу, полосатая хлопчатая рубаха крупными складками легла вокруг талии, из засученных рукавов выглядывали сильные волосатые руки. Быстрым движением он проводил щеткой один раз по лошади, один раз по скребнице, и в поднятой против ворса лошадиной шерсти сразу же была видна застрявшая грязь. Это двойное движение: лошадь – скребница, лошадь – скребница – успокаивало Жюля Бриссе, а для него признаком счастья и благополучия было полное спокойствие, то есть отсутствие вспышек гнева.

Лоб его покрылся каплями пота, вокруг лошадиного крупы клубилась белесая пыль. И было слышно, как Жюль Бриссе распевает какую-то песню, в которой каждый куплет заканчивался возгласом: «Тайо-хо! Тайо-хо!»

– Ого, капрал, непохоже, чтобы вы скучали! – воскликнул тощий рыжий остроносый парень по имени Дюваль.

– Можешь говорить мне «ты», мой мальчик, – ответил капрал. – Теперь, когда на дворе война...

– Пока еще не на дворе, – заметил крестьянин, собиравший рядом с ними лошадиный навоз в тачку.

– Да уже почти что война, если меня опять призвали на военную службу! – отозвался рыжий и, облокотившись о спину своей лошади, добавил: – А чем ты занимался на гражданке?

– Я был фермером в Аржантане, – произнес с сильным местным акцентом человек с тачкой.

Он отнес вопрос на свой счет, потому что в эту минуту как раз думал о своей ферме.

Капрал ответил не сразу.

– Я был псарем в охотничьей команде, – сказал он медленно. – Занимался гончими для псовой охоты... Хорошее ремесло, если его знать. Я служил у одного барона, был сыт, устроен и одет – дай боже каждому! Но я ушел от него.

– Почему?

– Мы поругались.

Он не решился открыться, что вот уже более года работал помощником мясника. Но в этом ремесле умение метко стрелять было ни к чему, а потому не приносило ему ни радости, ни гордости.

Запах, шедший от лошадей, напоминал ему терпкий воздух псарни, а смолистый аромат утреннего леса на мгновение вернул в детство.

«Не надо мне было тогда, с собакой, – подумал он. – Сам виноват, теперь буду жалеть. И на хозяина не надо было замахиваться. А там ведь было мое настоящее место». И снова замурлыкал: «Тайо-хо! Тайо-хо!»

Подошел унтер-офицер, наблюдавший за чисткой лошадей.

– Все трое – на представление к лейтенанту, ваша очередь.

В коридоре здания, где располагался эскадрон, уже стояли, выстроившись в шеренгу, человек десять резервистов.

Из двери, на которой мелом было написано «Второй взвод», вышел какой-то солдат. Его тут же забросали вопросами.

– Ну, что спрашивал лейтенант?

– Ой, кучу всего. Сколько лет, есть ли аттестат, где живу. И вид у него был недовольный.

– Это тот, с длинным носом? Помнишь, мы его недавно видели?

– Тот самый.

– Кажись, аристократ. Сермюи, вот как его зовут.

– Вот оно что! – протянул Жюль Бриссе.

– Следующий! – крикнул сержант. – Капрал, проходите первым.

И он втолкнул Жюля в маленькую, выбеленную известью комнату. В углу за столом сидел Сермюи и что-то писал. Бывший псарь увидел знакомый суровый профиль и прядь седых волос надо лбом, и у него бешено забилося сердце.

– Капрал Бриссе, Жюль! – щелкнул он каблуками.

Сермюи остался сидеть, склонившись над бумагами.

«Наверное, мне надо сделать первый шаг, – подумал Жюль. – Я ведь должен извиниться».

Сделав над собой огромное усилие, которое уже само по себе принесло ему облегчение, он начал:

- Господин барон...
- Дата рождения?
- Лейтенант не поднял головы.
- Вы что, друг мой, не знаете даты своего рождения?
- Одиннадцатого марта тысяча девятьсот шестого года, – пробормотал капрал, у которого разом пропало хорошее настроение.
- Родители?
- У меня остался только отец.
- Мать умерла, – бросил лейтенант писцу. – Назовите адрес на случай, если с вами что-нибудь произойдет.
- Бриссе Бернар, доезжачий в замке...
- Жюлю хотелось крикнуть: «Вы же сами все знаете! Могли бы хоть показать, что узнали меня!» – но он взял себя в руки.
- Замок Сермюи, Орн, – произнес он, чувствуя, как закипает гнев.
- Как ни в чем не бывало Сермюи занес в список собственное имя.
- Ваша профессия перед мобилизацией?
- Капрал так много думал о собаках, конюшне, охоте, что машинально выпалил:
- Псарь!
- Глаза цвета серого камня наконец поднялись на него.
- Я сказал – перед мобилизацией.
- Помощник мясника, – выдавил Жюль.
- Друг мой, – положил ручку Сермюи, – я должен повторить вам все, что уже говорил вашим предшественникам. Я буду требовать от вас абсолютного подчинения. Мы здесь не для развлечения, а для того, чтобы выполнить свой долг. И надеюсь, что могу на вас рассчитывать. Если в дальнейшем у вас появится нужда в чем-либо, я всегда буду готов вас выслушать и сделать все от меня зависящее. Благодарю вас. Вы можете идти. Следующий!
- Жюль почувствовал себя побежденным, совсем как тогда в лесу. И, как тогда, на него накатило непреодолимое желание ударить.
- Я сказал – следующий!
- Когда Жюль вышел в коридор, ему показалось, что он вот-вот лопнет от злости.
- Эй, капрал, ну как он себя вел? – начали спрашивать остальные новобранцы.
- А как он может себя вести? Сами посудите! Это у него я служил псарем. Я его узнал. Он к животным относится лучше, чем к людям. Вот увидите.
- И Бриссе вышел во двор.
- По двору бесконечно сновали фургоны и фуражные повозки. Въезжали автомобили, из них выпрыгивали офицеры в голубых кепи, и автомобили снова уезжали. Сквозь крики, приказы и грохот колес пробивались звуки труб. В жарком воздухе клубилась пыль.
- Но чувствовалось, что при всей этой неразберихе идет четкая работа: резервисты разбиваются на группы, коней подводят к поилкам, разгружают снаряжение, эскадроны строятся.
- Во дворе Бриссе вдруг увидел Залома, ведущего под уздцы Даму Сердца. Но особой радости при виде отца не почувствовал.
- Это ты барону доставил Даму Сердца?
- Как видишь, мой мальчик, – ответил Залом. – Вот уж не думал тебя здесь увидеть! Вот удача-то!
- Что ж ты еще и Фало не привел? Для полного комплекта!
- Жюль, ну почему ты так?
- Нипочему!
- Неожиданно раздалась команда:
- Второй взвод, стройся!

И Жюль, вместо того чтобы попроситься с отцом, процедил сквозь зубы:
– Он заплатит! Он у меня за все заплатит!

IV

Летелье, крестьянина из Аржантана, сделали денщиком.

Летелье не отличался умом, зато обладал чувством дистанции. Но его одолевала потребность непрерывно говорить о своем хлеве, скотине и полях. Хотя он вынужден был признать, что лейтенант не слишком-то разговорчив.

Когда же он узнал, что капрал Бриссе занимался псовой охотой, а псовая охота нередко проезжала мимо родной фермы, то начал донимать воспоминаниями Жюля, и Жюль сделался для него важной персоной. А капрал не уставал повторять, что лейтенант «лучше относится к животным, чем к людям».

Он говорил об этом, когда взвод остановился на постой в деревушке на краю Арденнского леса и Сермюи сначала занялся конюшнями, а потом уж расселением людей.

Он напоминал об этом во время полевых занятий, когда Сермюи, запретивший галоп с полной выкладкой, заставлял людей тянуть лошадей по непролазной грязи.

Те же разговоры он заводил по поводу кормежки. И солдаты, для которых утренний и вечерний суп составляли главные события дня, верили, что их «кормят хуже, чем скотину».

Так, шаг за шагом, злоба Жюля разливалась вокруг, как масло, и все благодаря силе слова.

Однажды декабрьским вечером после ужина Жюль заявил:

– Хватит с нас жратвы из холодильника. Завтра добудем свеженькую. Это говорит вам капрал Бриссе.

– Bravo, капрал! – загалдели вокруг. – Но где ты ее возьмешь?

– Ты сможешь пойти и сказать лейтенанту, что так больше нельзя? – спросил путевой обходчик Февр, здоровенный детина, весельчак и балагур.

Соображение Февра Жюлю не понравилось: пойти к лейтенанту было единственным, на что он не был способен.

– Я ничего не смогу сказать, – ответил он, напустив на себя таинственный вид. – Это должно остаться между нами. – И обернулся к Дювалю: – Ты у нас ушлый, сможешь раздобыть несколько полосок старой кожи?

– И новой смогу, – отозвался рыжий.

Лицо Летелье, который поначалу не уловил сути разговора, вдруг просветлело.

– Понял! – сказал он, подмигнув Бриссе, и пошевелил пальцами, словно завязывая узел. – Я готов пойти, потому что знаю, как это делается. Я и у себя в поле, в Аржантане...

Февр, которому хотелось обратить на себя внимание капрала, спросил:

– А можно, и я тоже?

– Нет, в другой раз, – отрезал Жюль, словно речь шла о поощрении. – Для этого полсотни человек вовсе не требуется. Сегодня вечером пойдут Дюваль и Летелье.

Когда совсем стемнело, троица отправилась в деревню.

Именно в этот час офицеры эскадрона – капитан Нуайе, лейтенант Сермюи, двое младших лейтенантов и один курсант – встали из-за стола.

Все трое появились на крыльце большого кирпичного здания, которое крестьяне торжественно называли замком и которое служило одновременно командным пунктом, домовою церковью и жилищем капитана.

Внизу у лестницы ждал автомобиль. Тусклый свет, пробивавшийся из холла, слабо освещал силуэты пяти офицеров.

– Спокойной ночи, господа, – с легкой иронией произнес капитан. – Само собой, я ничего не знаю. И все же, пожалуйста, не задавите полковника и не бейте слишком много бутылок.

Раздались три смешка, потом четыре шелчка каблуками, за которыми последовало «Честь имею, господин капитан», сказанное четырьмя разными голосами. Капитан вошел обратно в дом, остальные быстро сбежали с лестницы. Свет в холле погас.

Курсант, зябко кутаясь в пальто, подпрыгивал то на одной ноге, то на другой.

– Ну, Сермюи! И вам не совестно? Вы решительно не идете?

Сермюи, которому не понравилась фамильярность курсанта Дартуа, сухо ответил:

– Благодарю вас, но я уже сказал «нет».

– Но послушайте, ведь капитан обещал, что закроет глаза...

– Капитан, может, и закроет глаза, но он остался на командном пункте.

Тут в разговор вмешался младший лейтенант Дезобрейе.

– Брось, Дартуа. Если Сермюи это не нравится... – насмешливо и чуть раздраженно начал он.

Сермюи, прекрасно знавший все местные достопримечательности, заметил:

– Мой дорогой, я очень люблю хороших собак, я люблю хороших коней, и у меня нет некрасивой жены, чтобы устраивать сцены... – И, ничего больше не добавив, вошел в темную аллею.

– Наш лейтенант мог бы быть и пообщительнее, – бросил Дартуа, садясь за руль.

– Не надо было тебе его отчитывать, – ответил Обрейе, который уже успел забраться в машину.

– Этот Сермюи умеет выделять одну забавную штуку. В столовой он наигрывал губами охотничьи сигналы, – произнес Форимбер, второй младший лейтенант. – Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так здорово подражал трубе. Но кроме этого...

Автомобиль нагнал Сермюи, когда тот уже вышел из ворот. Он пересек церковную площадь и большими шагами пошел по главной улице. Холод его не беспокоил.

Обычно он любил прогуляться перед сном. Но в такие вечера, как этот, когда друзья, с молчаливого разрешения капитана, уезжали развлекаться в город, Сермюи старался не покидать расположение отряда, совершая своеобразный обход местности.

Сермюи свободно передвигался в темноте, ибо ночью видел почти так же хорошо, как днем. Он заметил, что на земле возле дома валяется подпруга, а дверь в конюшню закрыта неплотно. Сермюи тут же велел часовому законопатить щель.

– Вы что, не понимаете, что лошадям дует?! Чтобы этого больше не повторилось!

Он прекрасно знал: наутро и то, что он не пошел с остальными, и этот ночной обход будут горячо обсуждаться. И бойцы его взвода непременно скажут: «Эх, оказаться бы вместе с курсантом или с лейтенантом Обрейе!»

Его уже не раз заставляло врасплох знаменитое «хуже, чем с животными»...

Он подошел к группе домов. И тут ему показалось, что в сторону леса метнулись какие-то тени. Сермюи не был фантазером. Ему не мерещились ни шпионы, ни парашютисты. Он даже не стал вынимать пистолет из кобуры, а просто пошел дальше в поле, напевая сигнал «Гончие, вперед!».

Жюль Бриссе решил расставить в лесу силки не только ради роста собственной популярности. Если Летелье было плохо, если он не чувствовал тучной земли луга или вспаханного поля под ногами, то бывшему псарю не хватало клубящихся под ветвями запахов зимнего леса и горячих прикосновений к шкуре дичи.

Кроме того, с тех пор как он попал под начало барона, единственное, что могло доставить ему радость, было нарушение запрета.

Шедший за ним Дюваль был далеко не в таком прекрасном расположении духа. Во-первых, рыжий не видел ни зги в этой безлунной ночной тьме, и, чтобы хоть как-то ориентироваться, ему приходилось держаться за шинель Жюля. Во-вторых, ему было страшно, потому что все свободное от бахвальства место в его душе занимал страх.

– Кто его знает, – сказал он придушенным голосом, – может, и не надо завтра утром тащить кролика лейтенанту?

Он отправился с Жюлем, чтобы потом всем растрезвонить про свой подвиг, а капрал только для того его с собой и взял: ему нужен был распространитель информации.

– Кролика еще надо поймать, – добавил Дюваль, который боялся показаться смешным в случае провала операции.

– Не бойся, – успокоил его Жюль. – Я вчера на учениях все уголки облазил. Видишь там, на пригорке возле опушки, толстый бук?

– Бук, не бук, ничего не вижу.

– Так вот, там тропа, на которой полно кроличьего помета. По ней кролики ходят в поле.

Процессию замыкал Летелье, и каждый шаг по травянистым кочкам пробуждал в нем массу воспоминаний, которые он сам себе озвучивал:

– В это время много перепелок, их ловили леской. А однажды в поле, совсем рядом с моим домом...

Они вошли в лес. Возле бука Бриссе долго принюхивался к кроличьему запаху, идущему от поросших мхом краев тропы. Потом Жюль присел на корточки, Летелье примостился рядом, и они начали мастерить силок. Дюваль, глаза которого так и не привыкли к темноте, вздрагивал при каждом хрусте ветки.

– Кто-то идет, – прошептал он.

– Отстань, трус несчастный! – огрызнулся Жюль.

– А я говорю, кто-то идет. Я слышу.

Жюль обернулся. Между деревьев маячила высокая фигура в длинном плаще, чуть чернее ночной тьмы.

– Ложись, ребята! Лейтенант!

Но было поздно: Сермюи все слышал.

– Ничего не выйдет! Вылезайте все трое! – крикнул он.

Плащ застыл в нескольких шагах от них, и из-под него доносилось нервное пощелкивание: постукивание хлыста по кожаному голенищу.

– Бриссе... Летелье... Дюваль... – произносил барон, по мере того как тройца поднималась с травы. – Почему вы покинули расположение части без разрешения? Отвечайте!

– Скажи ему, что мы ходили добыть еды. Ну скажи... – шепнул Дюваль на ухо капралу.

А в голове Жюля зашевелилась совсем другая идея – безумная, искушающая. Сейчас ночь, до расположения части метров пятьсот, их трое, а лейтенант один...

Лейтенант прошел мимо них и оказался на тропе. Отбрасывая силок носком сапога, он на секунду повернулся к ним спиной. Дюваль трясся от страха и холода.

«Эх, надо было взять с собой Февра, – подумал Жюль. – Февр силен как бык».

– Не мешало бы вам знать, что я не терплю браконьерства, – бросил, обернувшись, Сермюи и остановился перед капралом. – Бриссе, возлагаю ответственность на вас как на старшего по званию. Назначаю вам восемь суток ареста.

Жюль машинально вытянулся по стойке «смирно». Момент для мести был упущен.

«Ладно, в другой раз, – сказал он себе. – В долгу не останусь».

– Что же до остальных... – помедлил Сермюи.

Он уже хотел было сказать: «Остальные получают четыре дня», но вспомнил о Даме Сердца, которая так привыкла к денщику Летелье и за которой эти четыре дня, конечно же, будут плохо смотреть, и принял решение:

– Что до остальных, они получают то же наказание, но после. Возвращайтесь в часть.

V

Те восемь дней, что Жюль Бриссе провел под арестом, обернулись для Летелье сушим адом. Все обращались с ним так, словно капрала наказали именно из-за него.

– Это все ты. Из-за тебя на губу посадили одного Бриссе. Ты ведь у лейтенанта в любимчиках! Иначе сидел бы там же. Верно, ребята? – говорил Дюваль, платя Летелье черной неблагодарностью.

– Был бы я денщиком, – говорил путевой обходчик Февр, – то уж знал бы, что делать.

– А что ты хочешь, чтобы я делал? – в отчаянии отбивался Летелье. – Не убивать же его, эту скотину!

– Речь идет не о скотине, а о людях, – подначивал Дюваль, пыхтя трубкой. – Есть тут некоторые вроде тебя... У них не хватает духу даже вступить за товарища.

Бедного Летелье довели до того, что к концу недели он уже готов был пообещать что угодно.

Сидя под арестом, Жюль снова накопил в душе злобу, а когда вышел, его встретили как мученика.

– Мы тут тебя дожидались. Есть одна штука, которая без тебя никак не состоится, – сказал Февр. – Для тебя приготовили спектакль.

Взвод построился перед конюшнями, на просторном дворе фермы. Люди ждали, взяв под уздцы лошадей. Шел дождь.

Сермюи обходил всех, совершая обычный осмотр снаряжения. Приподняв крыло седла Бриссе, чтобы проверить, правильно ли затянута подпруга, он вдруг заметил, как Дюваль подмигнул капралу. Барон пригляделся, но ничего особенного не обнаружил и направился к Даме Сердца, которую держал под уздцы Летелье, стоявший во главе взвода.

Едва Сермюи поставил ногу в стремя и оттолкнулся от земли, как седло ушло из-под него, и он шлепнулся в грязь. Правда, тотчас же сумел вскочить на ноги. Шинель его была вся в глине и навозе. За спиной послышались смешки. Барон осмотрел седло и, взявшись за пряжку подпруги, обнаружил, что два толстых кожаных ремня грубо перерезаны ножом. Он сразу вспомнил, как перемигивались Дюваль с Бриссе, а Летелье даже не двинулся с места, чтобы помочь ему.

Сермюи обернулся. Смешки стихли.

– Летелье, подними седло! Живо! – скомандовал он.

Летелье подбежал.

– Сними подпругу!

Летелье быстро орудовал пальцами, не соображая, правильно ли отстегивает подпругу. «Он понял... Он все понял...» И от тоски у Летелье засосало под ложечкой.

– Поставь седло на место.

Летелье послушался. «Но в седло без подпруги никак...»

Все взгляды были прикованы к его рукам.

– А теперь вытри его!

Денщик схватился за край шинели.

– Нет! Собственной задницей! Живо в седло!

Летелье был коренастый и тяжелый, намокшая одежда сковывала движения, ноги словно укоротились от страха. Он сделал пять-шесть попыток взобраться в седло, но безуспешно. Летелье слышал, как хлыст лейтенанта постукивает по сапогу. Кобыла начала нервничать, вертеться и пятиться.

Запахавшийся, багровый от напряжения, Летелье мешком повис где-то в области холки и взмолился:

– Господин лейтенант, это не по моей вине...

– Я сказал – в седло!

Денщик сделал последнее усилие, грудью перевалился через переднюю луку и заполз в седло. Ноги его пытались нащупать в воздухе слишком далеко висящие стремяна.

Тогда Сермюи, который впервые в жизни так грубо обошелся с лошастью, подхлестнул ее сзади по крупу. Дама Сердца пустилась в галоп.

Летелье какое-то время балансировал, вцепившись в шею лошади, потом сполз набок и, сделав немислимый кульбит, упал на землю.

– А ну вставай!

Летелье не шевелился. Дама Сердца сама вернулась и встала на место впереди других лошадей. По взводу прокатился ропот. Все тут же забыли, что сами спровоцировали лейтенанта.

– Кто-нибудь двое, помогите ему подняться.

Ни Бриссе, ни Дюваль, ни Февр не двинулись с места.

Когда подбежали к Летелье, он был весь белый, как погасшая свеча. На щеках выступила тонкая сеточка сосудов. Он лежал в грязи и дрожал, держась обеими руками за сломанную ногу.

VI

После этого за все время, пока взвод стоял на постое, не было ни одного происшествия. Каждый раз, когда Жюлю говорили: «Все-таки надо было что-то сделать», тот отвечал: «Ладно, ничего. Вот начнется настоящая драка, тогда он за все заплатит».

К апрелю Летелье вернулся в часть и стал добросовестным денщиком.

После того как в мае отбили атаку немцев, разведгруппа, в которую входил эскадрон Нуайе, проникла в Бельгию.

Первые два дня прошли спокойно, и группа покрывала милю за милей по цветущим фламандским полям. Утром третьего дня, когда взвод Сермюи проезжал через одну из деревень, его обстреляли из пулемета. На то, чтобы обыскать деревню и выбить из нее вражеский дозор, ушло около часа. Во взводе было двое раненых, и в их числе Дюваль, получивший пулю в плечо.

– Вот видите, – говорили бойцы, – не зря он боялся: первым на пулю и нарвался.

Во время перестрелки лейтенант отдавал приказы, по обыкновению, сухо и от пуль не прятался, словно все еще находился в деревне на постое.

На следующее утро, когда Сермюи, как обычно, ехал во главе эскадрона, высланные вперед разведчики доложили, что к ним приближается броневик.

В бинокль его было очень хорошо видно. Броневик двигался без сопровождения, с открытым люком. Может, заблудился, а может, вел одиночную разведку. До него оставалось метров семьсот, когда он скрылся за деревьями.

Взвод не располагал вооружением, чтобы вступить в бой с броневиком. Оставалось только рассеяться и пропустить его.

И все же Сермюи колебался, отдавать приказ или нет. Он быстро оглядел территорию вокруг, сто метров дороги до поворота, кювет и деревья по бокам, потом подозвал Бриссе.

– Сдай лошадь, – приказал он, – возьми автомат и обойму патронов и иди за мной. – Затем крикнул: – Остальным – рассеяться по своему усмотрению! Галопом!

Он спешился и передал поводья Летелье, который отвел Даму Сердца в сторону. Дорога сразу опустела. Сермюи и его бывший псарь остались одни.

– Заляжешь здесь, – указал на кювет офицер. – Когда броневик подойдет к дорожному столбу... Вон там, видишь, белый столбик? Сразу стреляй по дороге перед ним. Если он продолжит движение, подтянись и снова стреляй, но все время перед ним по дороге. Понял?

Бриссе подумал: «С автоматом против броневика! Да этот мерзавец либо спятил, либо хочет, чтобы меня убили».

Похожий на огромного кабана броневик появился из-за поворота и пополз за деревьями. – Бей по дороге, и никуда больше, чтобы его задержать, – повторил Сермюи. – А я попробую его добить.

И, выхватив пистолет, побежал вперед.

«Попробую его добить». При этих словах на охоте, когда звучал сигнал к травле, Сермюи обычно вынимал из ножен длинный нож. И Бриссе вдруг заметил, что барон, совсем как когда-то, обратился к нему на «ты», и, совсем как когда-то, капрал, не раздумывая, повинулся.

Метрах в пятидесяти от него Сермюи тоже затаился в кювете. Единственное, что его заботило, – это чтобы капрал открыл огонь в нужный момент. Если Жюль замешкается – пиши пропало.

Броневик приближался по прямому участку дороги. Шум мотора нарастал с каждой секундой. Глаза Сермюи были вровень с шоссе, и колеса крутились возле самого лица. В ту же секунду дорога на уровне белого столбика стала потрескивать. Перед самой машиной с земли поднялись хлопья пыли. Броневик затормозил, башенка начала поворачиваться, – это стрелок внутри пытался определить, откуда его атаквали.

Сермюи, с пистолетом в руке, выскочил на дорогу и бросился к броневику. Вокруг него свистели пули. Не прекращая стрельбу, Бриссе теперь сам норовил попасть во врага.

«Идиот, он же меня подстрелит!» – подумал Сермюи и тут заметил, что хлопья пыли обогнули его и снова застрекотали у колес.

Броневик все еще двигался, но очень медленно.

Сермюи вскочил на подножку, сунул руку в открытый люк и разрядил пистолет в башенку, не дав оккупантам ни секунды, чтобы закрыть люк. Над их головами сначала сверкнули серые глаза, а потом – вспышки выстрелов.

Сермюи следил за тем, как три круглые каски осели одна за другой, и животом ощутил, как машина дернулась назад и замерла. Спрыгнув с подножки, он почувствовал, что у него подкосились ноги, а еще подумал о том, как много энергии нужно затратить, чтобы подбить броневик из пистолета.

С другой стороны дороги из кювета вылез бледный Бриссе. До него наконец дошло, что он вполне мог убить барона, когда, испугавшись, позабыл о приказе и сместил ближний прицел.

Его еще долго трясло, хотя он и мысли не допускал, что ненависть к бывшему хозяину чуточку поухля.

VII

Возвращение разведгруппы обернулось самым роковым образом. Восемь дней и восемь ночей взвод, то рассыпавшись, то собравшись в кучу, как пчелиный рой, снова преодолевал уже однажды пройденный путь. Но теперь на каждой параллельной дороге его подкарауливали вражеская бронетехника. Восемь дней отчаянных боев, с огневой завесой во всю длину фронта, чтобы прикрыть безнадежное отступление, и восемь ночей фантастического маневрирования в клещах бронированных колонн.

Из четырех боевых эскадронов один был уничтожен полностью, а остальные повыбиты на треть, а то и наполовину.

В последний вечер отряду удалось собраться вместе в Аргонском лесу. Все выходы были блокированы неприятелем.

– Что нам тут делать? Чего ждем? – спросил Сермюи капитана Нуайе.

– Полковник велел связаться с дивизией. Ждем приказа.

– Если удастся связаться... – бросил Сермюи, направляясь к своему взводу. – Можете перекусить чем бог послал, – сказал он солдатам. – Но супа не ждите, его сегодня не будет. Походную кухню днем разворотило снарядом. Солдаты достали из сумок последние куски хлеба и последние консервы.

– Поешьте чего-нибудь, господин лейтенант? – предложил Летелье.

– Нет, спасибо, не хочется.

Он оглядел своих людей, сидевших на мху; измученных, запыленных лошадей, жадно щипавших редкую траву у корней деревьев; брошенные на землю каски и оружие, и ему вспомнился первый день мобилизации в Алансоне. Но как же та неразбериха отличалась от этой и сколько в ней было надежды!

Наконец удалось связаться с дивизией.

Полковник собрал офицеров: двенадцать из тридцати. У капитана Нуайе остались только Сермюи и курсант Дартуа. Оба младших лейтенанта были убиты.

Полковник мерил шагами лес. Он был мал ростом, его облегающие бежевые брюки были забрызганы грязью, нашивки на френче отпоролось. Ремешок каски порвался, а на подбородке виднелась ссадина; он и сам толком не помнил, где поранился. Однако в правый глаз был вставлен толстый, как доньшко бутылки, неизменный монокль.

– Друзья, – объявил он, – мы полностью окружены... – И, немного помолчав, добавил: – И положение гораздо серьезнее, чем мы предполагали. Дивизия выведена из строя.

Полковник снова помолчал и заложил руки за спину, чтобы никто не видел, как они дрожат.

– Я получил приказ. Кажется, наша миссия окончена.

Наступила тишина. Только шорох листьев и дыхание людей.

– Мы должны оставаться на месте, уничтожить оружие... и пристрелить лошадей. Таков приказ.

– Боже милосердный! – крикнул кто-то возле капитана Нуайе.

– Да, Сермюи, я знаю, – ответил полковник, наведя монокль на офицера, который стоял ближе всех. – Приказ слишком жесток. Но группе не прорваться. Мы можем подарить врагу только наши собственные шкуры, но не лошадей и уж тем более не оружие. К тому же, поверьте, это не мой приказ. Господа, благодарю вас за все, что вы сделали под моим командованием.

Услышав такую благодарность, больше смахивающую на отрывистую команду на маневрах, все поняли, что, выйдя из боя, группа перестала существовать.

– Миссия окончена, миссия окончена! Но мы-то не потерпели поражения! – выкрикнул Дартуа, который с пятью рядовыми одиннадцать часов удерживал ферму, пока не подоспело подкрепление.

– Но, господин полковник, – начал полковой ветеринар, – для лошадей мне, наверное, нужна команда?

– Для этого, Дулле, у меня нет расстрельной команды. Каждый пристрелит свою лошадь сам.

Полковник вытащил пистолет и первым пошел убивать своего коня.

Офицеры и солдаты печально расходились в разные стороны, и в лесу один за другим стали раздаваться выстрелы. Спустились сумерки, и вспышки красным светом освещали нижние ветви деревьев.

Лошади оседали на землю темными холмиками. Время от времени один из таких холмиков вдруг вскакивал, неся куда попало пьяным галопом и разбивал себе голову о первое же дерево. Остальные дергались на земле, и нужен был второй выстрел, чтобы их добить. Со всех сторон слышалось долгое агонизирующее ржание.

В воздухе пахло пылью и кровью. Убийство набирало обороты.

Мимо Сермюи, чуть не опрокинув его, проскакала слепая лошадь. За ней бежал солдат с карабином в руке. Слепая лошадь споткнулась о камень, зашаталась и обреченно рухнула на колени у откоса дороги. Солдат выстрелил в упор ей в голову, и она завалилась на бок, обрызгав мох мозгом. Лес наполнился криками ужаса и боли, которые слились в одно непрерывное ржание.

Сермюи зажал уши, чтобы только не слышать всего этого.

Жюль Бриссе пристреливал лошадей тех, у кого не доставало мужества сделать это самостоятельно. Лошадь крепко держали за поводья, а он метко стрелял ей прямо в ухо. Животное умирало без мучений: легкое подергивание копыт – и конец. Глядя на капрала, Сермюи вдруг вспомнил: помощник мясника.

Солдаты никогда не видели лейтенанта таким: он был бледен, голова свесилась, плечи опустились.

Сермюи оглядел убитых лошадей. По мху растекались черные ручейки...

– Бриссе! – позвал он.

Капрал обернулся.

– Возьми, – сказал лейтенант, протянув ему пистолет и кивком головы указав на Даму Сердца.

Потребовалась по меньшей мере катастрофа, чтобы Жюль Бриссе смог наконец-то взять верх над хозяином, который им командовал.

– Если вы про вашу кобылу, господин лейтенант, – вызывающе заявил бывший псарь, – то вы должны это сделать собственноручно. Каждый сам пристреливает свою лошадь, таково распоряжение.

Солдаты ожидали, что Сермюи сейчас взорвется гневом и отдаст какой-нибудь немислимо жестокий приказ.

Но Сермюи ничего не ответил. Он медленно двинулся к Даме Сердца. Когда он протянул руку к ее шее, чтобы приласкать в последний раз, кобыла встала на дыбы, и Сермюи увидел над собой белый от ужаса лошадиный глаз. В бою она вела себя так спокойно, а теперь вдруг потеряла голову и заметалась.

– Ты поняла, моя красавица, ты поняла, что я хочу с тобой сделать, – прошептал он.

И Дама Сердца заржала. Это ржание перекрыло все жалобные стоны остальных лошадей.

Сермюи вскочил на ноги, лицо его приняло привычное жесткое выражение, губы сжались.

Он подбежал к полковнику:

– Господин полковник, если наша миссия окончена, прошу вас вернуть мне свободу.

– Я пока еще обладаю такой властью, – ответил полковник. – Там, где вся группа неизбежно и бессмысленно погибнет, несколько человек, может быть, и сумеют прорваться. Мне хотелось бы оказаться на вашем месте, а вот вы разделять мою участь вовсе не обязаны. Я должен остаться с отрядом... Ступайте, Сермюи, и поторопитесь. Удачи вам!

Лейтенант вернулся к своему взводу. Все лошади были мертвы. Некоторые из солдат начали разбивать свои карабины о деревья.

– Я уйду, – сказал он окрепшим голосом, – и постараюсь прорваться. Если кто хочет прорываться вместе со мной, пусть идет. Это не приказ. Поступайте как хотите.

И он сам начал седлать Даму Сердца.

Солдаты посовещались.

– Это безумие! – воскликнул Февр. – В плен так в плен, но это не означает, что надо подставлять себя под пули.

– И потом, мы так измотаны, мы больше не можем, – отозвался еще кто-то.

Все взгляды скрестились на Бриссе. Все знали, что в конце концов решать ему.

– Ну что, капрал, ты с нами согласен?

Жюль покивал головой и ответил:

– А я, ребята...

В этот момент под деревьями раздался охотничий сигнал. Сермюи вскочил в седло и громко затрубил своими бескровными губами, чтобы не слышать, как умирают лошади соседних эскадронов.

Бриссе, не договорив, бросил фразу на середине... Он вдохнул знакомый запах леса, и все его упрямство куда-то улетучилось. Он поднял свой автомат, закинул его за плечо и повторил:

– А я, ребята... – И зашагал за лейтенантом.

За ним следом двинулся Летелье, потом Февр, а потом и все остальные.

Прислонившись к дереву, полковник смотрел, как один из его взводов уходит во тьму, а впереди едет всадник, наигрывая сигнал «Гончие, вперед!».

Дом с привидениями

Полю Фландену

Днем погода улучшилась, поманив оттепелью, зато ночью снова подморозило.

Группа след в след пробиралась по лесу между буками и пихтами, и в тишине раздавалось только непрерывное журчание талой воды и шаги тридцати человек по размокшей земле. Пропитавшаяся водой военная форма тяжело давила на плечи.

Реми Урду из Перша, парень гигантского роста, шел последним, в облаке запахов всей колонны.

– Мокрой псиной воняет, – заявил он.

Никто не отозвался. Только мерно падали капли с деревьев, мерно звучали шаги да разлеталась из-под подошв подмерзшая грязь.

Перед Урду маячила плотная спина толстяка Бютеля, чуть подальше на тропе виднелись покатые плечи капрала Крюзе, и, наконец, впереди выступала из тумана фигура Дирьядека. Этот бретонец, из которого слова не вытянешь, был седьмым от конца.

Мокрые по пояс, с поднятыми воротниками, все шли, опустив голову. Один великан Реми Урду держался прямо, потому что уставал от ходьбы внаклонку.

Примерно через полчаса они добрались до опушки леса. Внизу, в котловине, виднелась недавно разбомбленная деревня. На оголенных остовах домов стропила выглядели как ребра скелетов, одни крыши были изрешечены снарядами, на других веером торчала перевернутая черепица с оставшимися кое-где островками снега.

– Совсем как голубиное крыло, если на него снизу подуть, – заметил Реми Урду.

Уже почти ночью они вошли в деревню и двинулись мимо разбитых дверей и качающихся на петлях ставней. Когда тихо в лесу – это нормально и вполне терпимо, к тому же лесная тишина всегда относительна: то ветка хрустнет, то зверь зашевелится. Но для усталых и замерзших людей нет ничего хуже, чем тишина мертвых домов.

От попавшей в самый центр деревни бомбы осталась огромная воронка, в которой теперь стояла вода. Ее блестящая темная поверхность с бортиками снега вокруг усиливала впечатление заброшенности места.

Один из сержантов, внимательно изучивший план деревни, уверенно повел всех за собой по улицам и привел во двор какой-то фермы.

– Это здесь, – сказал он, толкнув дверь.

Сержант зажег карманный фонарик, и бойцы вошли внутрь следом за ним. Голубоватый огонек пробежал по стенам, бегло осветив углы комнаты, ножки оставшейся мебели, замерший маятник старинных часов. На полу лежало с десятков матрасов, оставленных группой, которая побывала в доме до них.

– Все здесь? – спросил сержант. – Крюзе, проверьте, чтобы ставни были плотно закрыты. Остальным – забаррикадировать все входы, и как следует!

Урду притащил огромный стол и привалил его к двери. Потом вдвоем с Дирьядеком, не проронившим ни слова, они водрузили сверху еще и сундук. Окна загородили поставленными крест-накрест скамейками.

Луч фонарика ложился круглым голубым пятном на плитки пола у ног сержанта. И все инстинктивно стали подтаскивать матрасы поближе к этому дрожащему огоньку.

Консервные ножи заклацали по алюминиевым крышкам, руки потянулись к рюкзакам, чтобы вытащить то отсыревший кусок колбасы, то растаявшую плитку шоколада.

– Нас не видно из-за разбитых крыш, поэтому мы, можно сказать, в укрытии, – прошептал Левавассер, чтобы что-то сказать.

– А почему шепотом говоришь? – спросил Урду.

– Не знаю, просто так, – ответил Левассер.

Что за тяжесть повисла в воздухе, если самые обычные слова и звуки начали обретать особое значение? Вот чей-то каблук поскреб плитки пола, вот в чьей-то фляге булькнула жидкость. И тут послышался голос капрала Крюзе:

– А, так это тот самый дом, который называют «домом с привидениями»? Ребята, а привидения тут неплохо устроились!

По всему Лотарингскому фронту, на ничейной земле, имелись такие опустевшие деревни, где передовые отряды обычно устраивались на ночлег. Солдаты приходили туда в сумерках, занимали дом, не разжигая огня, не зажигая света, и эти брошенные дома, где от заката до рассвета хозяйничали тени, окрестили «домами с привидениями».

Боевая группа сержанта Лаланда уже много недель исполняла роль аванпоста, но в таком доме останавливалась впервые.

– Сержант, а противник здесь не появляется? – спросил Шамбрион.

– Патруль, бывает, и появляется, но очень редко, – ответил сержант, отрезая кусок хлеба от буханки. – В этой же деревне у них тоже есть «дома с привидениями».

– А я, ребята, – сказал, чуть помолчав, Левассер, – говорю, что они сегодня заявятся. У меня такое предчувствие.

– Ха! Да ты просто трусишь! – раздался чей-то голос.

Послышались смешки. Смешки усталых солдат, слегка разомлевших после еды. Вдруг смешки разом стихли, и все замерли, затаив дыхание.

– Наверху кто-то ходит, – прошептал капрал Крюзе. – Слышите, сержант?

– Слышу. Тихо!

Сержант погасил фонарик. Подняв головы к потолку, все вслушивались в тяжелые шаги. На миг шаги затихли, а потом направились к противоположной стене. И все шеи дружно повернулись, словно шагавшие наверху подметки сквозь потолок намагничивали каски.

– Вот смеху-то будет, если они облюбовали этот же дом, – дрожащим голосом пробормотал Левассер.

– Надо посмотреть, что там такое, – приказал сержант Лаланд. – Только тихо, и не надо ходить всем.

Маленький голубой кружок снова затанцевал по полу. Реми Урду, капрал Мартен и Дирьядек бесшумно поднялись, взяли карабины и пошли вслед за сержантом. Капрал Крюзе, стараясь не шуметь, на ощупь зарядил автомат и прошипел:

– Как только вы позовете, сержант, я стреляю в потолок.

Остальные подтянулись поближе к капралу. Лаланд вышел из комнаты и стал медленно подниматься по лестнице. Сзади шел Реми Урду, и, несмотря на все его усилия, ступеньки отчаянно скрипели под его тяжестью.

– Кто здесь? – громко крикнул сержант, поставив ногу на последнюю ступеньку.

Внизу Крюзе положил палец на гашетку.

– Это я, сержант, – отозвался кто-то сверху.

И на лестничной площадке показалась фигура толстяка Бютеля.

– Я пошел посмотреть, нет ли тут чего выпить.

– Ну, считай, что легко отделался! Гляди у меня, если еще раз придется тебя искать!

И, не в силах сдержать злость, сержант схватил Бютеля за плечо и спихнул с лестницы.

– Брысь отсюда! Ты у меня узнаешь, как в привидение играть! А ребята тебе морду набьют, это точно! А сейчас пошел спать, если не хочешь, чтобы тебе досталось!

Все улеглись на матрасах, держа каски и карабины под рукой. И сразу же со стороны Шамбриона раздалось протяжное сонное сопение. Бютель пробормотал:

– Я только хотел посмотреть, нет ли чего выпить...

И тоже уснул. Но тут же был разбужен страшным грохотом, раздавшимся где-то в комнате.

– К оружию! – рявкнул Левассер.

Все вскочили.

– Стой! Кто идет? – подал голос Бютель.

Сержант снова зажег фонарик, и все увидели, что свалилась одна из скамеек, которой загородили окно.

– Не могла же она упасть сама собой, – заметил Урду. – Точно знаю, я ее очень хорошо закрепил.

– А может, ее столкнули снаружи? – спросил капрал Мартен.

Урду осторожно провел рукой по выбитому стеклу. Ставень был хорошо закрыт, засов цел. Оставалось признать, что скамейка свалилась сама. Он поставил ее на место и пошел укладываться.

Все снова замолчали. Слышно было только, как кто-то ворочается на матрасе. Снаружи капать перестало: подмораживало. Холодная одежда липла к телу.

– Вот интересно, – внезапно нарушил тишину Шамбрион, – спать хочется, а не заснуть.

Все ощущали себя во власти враждебных существ, блуждающих между небом и землей, и все ждали, что еще может случиться. Вдруг от дымовой трубы отвалился камень и ухнул в очаг. Урду вскочил.

– Я больше так не могу! – заорал он. – Не могу я больше в этой халупе, где все сыплется, движется и трещит! Только попробуйте назвать меня трусом! Но это невыносимо. Сержант, можно хоть выйти пройтись?

– Нет, – отрезал сержант. – Приказываю всем оставаться на местах.

Чтобы пересилить тревогу, Урду принялся мерить шагами дом. Он ходил взад-вперед, натываясь на мебель, налетая на двери. На короткое мгновение воцарилась тишина, а потом снова послышались беспокойные шаги наверху.

– Урду! – крикнул сержант.

– Это не Урду, сержант. Это Бютель. На этот раз я нашел! Здесь водка, посмотрите сами! – И с этими словами Бютель спустился вниз. – Ребята, готовьте кружки. Пейте смело, водка хорошая.

– Бютель! Отставить! – раздался голос сержанта. – Предупреждаю, если вы надрались... Бютель!

Голубоватый луч фонарика осветил Бютеля. Тот с радостным квохтаньем пил прямо из горлышка. Сержант ловким ударом выбил у него бутылку, и она разбилась о пол. На секунду Бютель ошалело застыл.

– Ах! Сержант... сержант! С мужчинами так не поступают!

– Бютель! Эй, Бютель! Утомонись! – бросил капрал Мартен.

Из глотки Бютеля вырвалось хриплое, возмущенное «эх!». Причем в этом «эх!» было столько чувства, словно до этого оно долго зрело в недрах земли. Фонарик погас, и Бютель так и остался стоять, сжав кулаки и втягивая ноздрями запах разлившегося по полу алкоголя.

И тут на колокольне зазвонили церковные колокола. Первый удар тяжелой бронзой загудел в морозном воздухе, за ним второй, третий... И тишина.

И снова удар, второй, третий и долгий гул... Сержант опять зажег фонарик. Все переглянулись. Бютель забыл об обиде. Все тотчас же обо всем позабыли.

Послышались еще три отдельных удара, и вдруг все колокола зазвонили разом. И начался такой перезвон... Казалось, что звонят прямо в соседнем доме.

– «Ангелус»...³ – пролепетал Бютель упавшим голосом. – «Ангелус» в полночь. Ох, не христианская это штука!

– Говорят, колокола иногда сами звонят... – неуверенно начал Крюзе.

– Колокола не могут зазвонить сами, если нет ветра, – заявил капрал Мартен. – Но даже сильный ветер не может вызвонить «Ангелус».

– Значит, в деревне немцы.

– Ребята, к оружию! – скомандовал Лаланд.

Все начали отыскивать свои карабины. Получилась небольшая куча-мала.

– Но если они в деревне, – сказал вдруг Шамбрион, – то зачем им звонить? Сержант, как вы думаете, а может, они специально хотят нас ошеломить, а потом, когда мы выскочим из дома, всех перестрелять?

– С них станется, – ответил Лаланд. – Внимание! Выходим патрульным порядком через черный ход!

Бютель так грубо схватил сержанта за руку, словно хотел сделать ему больно.

– Нет, сержант! Дайте-ка я пойду первым.

Он хотел было добавить: «Из-за бутылки», но не решился. Бютель распахнул дверь.

«Ну и ну! Не могли получше забаррикадироваться!» – подумал Лаланд. Колокольный звон теперь слышался яснее и стал еще более пугающим.

– А теперь звонят к окончанию мессы, – заметил Бютель.

Он быстро перекрестился, больно ударив себя по лбу и по груди, бросился во двор и остановился, вжавшись в стену.

– Можете идти, ребята, – сообщил он мгновение спустя. – Никого нет.

Чем ближе они подходили к церкви, тем громче становился звук. Воздух гудел, как лист железа.

Разделившись на две части, группа стала обходить площадь. Одно звено медленно двинулось налево, другое – направо. Церковь располагалась на окраине. Сквозь деревья виднелся темный вход и за оградой – кладбище с крестами. Звон замедлился и стих.

Оба звена инстинктивно остановились. Наступившая тишина не рассеяла тревогу. Наоборот, воздух, казалось, сгустился. Церковь и деревня онемели. И Дирьядек, который, как всегда, не проронил ни слова, уже готов был поверить в то, что в колокола звонит один из покойников.

По приказу сержанта оба звена продолжили движение. На углу одной из улочек капрал Крюзе обернулся, чтобы удостовериться, идут ли за ним бойцы. А когда снова посмотрел вперед, то нос к носу столкнулся с немцем. Оба отскочили. Немец отпрянул в свой переулок, Крюзе прижался к стене, и оба сделали своим отрядам знак приготовиться.

И тут колокола снова пришли в движение, и раздался радостный и пугающий перезвон.

Оба патруля бросились вперед, стремясь застигнуть друг друга врасплох. И возле ратуши, вокруг огромной воронки с черной водой, завязалось сражение.

Низко, почти на уровне земли, отбрасывая прерывистые красные отсветы, застрочил пулемет.

«Но почему продолжают звонить?» – пронеслось в голове у сержанта Лаланда. Вдруг Бютель с криком выронил оружие.

– Готово дело! – сказал он, словно ему удалось совершить нечто давно задуманное.

Ему в руку попала пуля. Было больно, но не настолько, чтобы закричать. И все же рука стала трястись, а он никак не мог унять эту дрожь.

Со всех сторон началась беспорядочная стрельба. Стреляли по большей части наугад, ориентируясь по язычкам пламени из стволов. Капрал Мартен получил пулю в икру. Потрогав

---

³ «Ангелус» – один из видов церковного звона, собирающего прихожан на утреннюю службу.

раненое место, он обнаружил, что крови нет, только ожог. Пуля разорвала кожу на сапоге, но до тела не добралась. «Повезло!» – подумал капрал.

Вдруг большущая тень без каски отделилась от стены и понеслась в сторону ратуши. Ее остановил выстрел, и тень свалилась в воронку с водой. И сразу же поверхность воды засверкала белизной, а ночная мгла резко поменяла цвет. Обе воюющие стороны были настолько поражены, что даже перестали стрелять. Внезапно разлившийся молочно-белый свет и непрерывный адский набат явно были нездешней природы. Наверное, не один солдат с обеих сторон мысленно спросил себя: а вдруг это вовсе не человек – тот, кого подстрелили над воронкой? И не начало ли в деревне происходить нечто сверхъестественное?

Немецкий патруль отступил, унося двоих раненых. В темноте раздалось еще несколько выстрелов, и французы остались одни.

– Звонят непрерывно. Значит, не фрицы, – произнес Шамбрион.

Но ни у кого не хватило духа подойти к церкви и посмотреть, что же там происходит.

Проходя мимо воронки, Дирьядек, ни слова не говоря, потрогал поверхность воды прикладом. Приклад ткнулся в лед, сквозь который было видно упавшего в воронку человека. Не успело тело упасть в воду, как она мгновенно застыла. Дирьядек вспомнил, что когда-то уже видел нечто подобное у себя на родине. Зимой, когда термометр показывал всего три-четыре градуса мороза, достаточно было бросить камушек в еще не замерзшую лужу, и она сразу покрывалась льдом.

Отряд вошел в дом с черного хода и сразу же снова забаррикадировал дверь. Бютелю сделали перевязку. Он, казалось, чувствовал себя прекрасно, болтал без умолку и был единственным способным шутить.

– Нечего было выбивать у меня из рук заветную бутылочку. Она меня и спасла: мне хорошо. – Но рука все дрожала, и он не знал, как ее успокоить.

Пока ему накладывали повязку, колокола залились протяжным перезвоном и стали стихать, словно их оставили просто так качаться. Сначала замолк средний, потом малый, а звук самого большого еще долго вибрировал в воздухе.

– Ничего не понимаю, – пожал плечами сержант. – Не иначе как нынче ночью в деревне обозначился еще один «дом с привидениями». Ладно, пусть так. Но немцы никогда не нападают в такой час. Они всегда ждут рассвета и атакуют посты, когда те снимаются с места. Наверное, колокола и их тоже выгнали на улицу. А так они напали бы на нас на рассвете...

– Смотри-ка, больше не звонят! – воскликнул капрал Крюзе.

Кто-то отчаянно заколотил в дверь:

– Эй, ребята, откройте!

– У нас все на месте? – спросил Лаланд, вытянув руку с фонариком.

Но времени проверять не оставалось. Дверь поддалась и рухнула в комнату вместе со скамейкой, которая ее держала. На пороге возник длинный силуэт, и силуэт этот принадлежал Реми Урду, который вошел, вытянув вперед руки.

– Эх, ребята, как здорово! – крикнул он. – Но зачем вы закрыли дверь?

Сержант на секунду онемел от удивления.

– Когда же ты вышел? – спросил он наконец.

– Ну... сразу, как вы мне это запретили, сержант. А оказавшись на улице, я решил: «А устрою-ка я перезвон моим ребятам!» Лучший способ выгнать из головы дурные мысли. Я это усвоил еще в детстве, когда пел в церковном хоре. – И великан Реми Урду, первый сорвиголова в эскадроне – три судимости на гражданке и семьдесят дней ареста на военной службе, причем все не по злому умыслу, – весело расхохотался.

Солдаты переглянулись. История с бутылкой вызвала такой ажиотаж, что никто даже не заметил отсутствия Урду.

– Так это был ты, паршивец! – рявкнул сержант. – Ты что, совсем ничего не слышал, пока звонил? Ну и влеплю же я тебе сейчас, хорист!

Тут хорошо поставленным голосом вмешался бретонец Дирьядек, который за все время рта не раскрыл:

– Но ведь немцы были-таки в деревне, сержант. Без Урду мы бы того...

В этот день он слишком много говорил и все не мог наговориться.

Мурто

Арману де Дампьеру

Мурто принялся вытирать мотоцикл насухо, и делал это тщательно и с достоинством, как надраивал бы свою двуколку на ферме в Бретани. К нему подошел офицер:

– Как тебя зовут?

– Мурто, господин полковник.

Мурто вытянулся по стойке «смирно», но выше ростом не стал и по-прежнему напоминал приземистую кочку.

– С завтрашнего дня будешь водителем моей машины.

На лице Мурто, хранившем печать тяжелого детства, возникло несвойственное ему выражение гордости и даже радости. Он ответил:

– Есть, господин полковник.

Не вдаваясь в дальнейшие разъяснения, полковник удалился, а Мурто, не любивший лишних жестов, даже не успел поднести руку к козырьку.

Вот так он, сам не понимая почему, стал шофером полковника.

Полковник Оврей де Виньоля каждое утро лично объезжал аванпосты. В первые дни в секторе царил покойствие, и он поехал на машине, да так и стал ездить. Этот кавалерист не любил длинных пеших переходов. Он велел Мурто отвозить его до самой линии огня, где неприятель находился метрах в двухстах от них. И вот открывалась дверца машины, оттуда высовывались пилотка, хлыст и светлая крага, потом медленно вылезал сам полковник. Если поблизости падал снаряд, полковник называл калибр, словно определял породу коня.

Громоздкий зеленый автомобиль не раз становился мишенью для неприятеля, и по возвращении Мурто говорил:

– Господин полковник, я уж думал, сегодня случится неприятность.

– Мурто! – повышал голос полковник. – Ты ведь знаешь, почему я тебя выбрал?!

И Мурто, который ничего про это не знал, но которому хватало уже того, что его выбрали, отвечал:

– Да, господин полковник!

Не проходило и дня, чтобы в штабе корпуса кто-нибудь не говорил:

– Оврей просто сумасшедший. Кончится тем, что его убьют. Надо бы запретить ему эти штучки.

Но на следующее утро зеленый автомобиль снова появлялся на линии фронта, потому что передовые отряды не чувствовали себя уверенно, если из открытой дверцы не высовывались пилотка, хлыст и светлая крага полковника Оврея де Виньоля.

Десятого мая армейский корпус во главе с группой Оврея начал выдвигаться в сторону Бельгии. На третье утро контакт с противником все еще не был установлен. Настало время некоторой передышки. Оно как раз совпало с обычным временем объезда, и полковник велел Мурто прибавить скорости, чтобы догнать передовые отряды.

Мотоэскадрон остановился в яблоневом саду, у самой дороги, и цветущие ветви накрыли стоящие под деревьями мотоциклы. Солдаты, усевшись рядком, уплетали за обе щеки у кого что было. Они расстегнули ремешки касок и сдвинули на лоб мотоциклетные очки. Уставшие от долгого сидения в машинах ноги вытянулись; обожженные солнцем, обветренные лица остывали в прохладной тени.

Все увидели пилотку и светлую крагу, но тут на небе появился маленький черный треугольник. За ним еще один и еще. Люди переглянулись, на губах застыли удивленные улыбки.

Вдруг оглушительный грохот опрокинул их на землю. Один из самолетов явно падал прямо на них. С замершим сердцем все ждали, что грохот завершится взрывом. Способность мыслить словами начисто отшибло, в головах остались только образы. Если самолет сейчас не сотрет их в порошок, то всю оставшуюся жизнь они будут видеть перед собой эту траву. Они и не подозревали, что у травы столько оттенков.

По земле пробежала дрожь. И люди еще больше вдавили головы в землю, ибо то, что происходило над их головами, не было роковой случайностью, а было явным и определенным проявлением чужой злой воли. И от этого вернулась способность мыслить словами, потому что все одновременно подумали одно и то же: «Пулемет!»

Первый самолет набрал высоту, но второй, следующий за ним с тем же грохотом, спикировал. Снова задрожала земля, потом еще и еще раз.

А затем на секунду воцарилась мертвая тишина. Затем послышался стон первого раненого. Мускулы на мгновение расслабились и опять напряглись. Те, кто приподнял голову, снова уткнулись в землю. От неба отделился второй треугольник.

Треск, который затем раздался, не поддавался ни под одно сравнение, которые обычно приводят для его описания. Его нельзя было сравнить ни с трещоткой, ни с кофейной мельницей. Он скорее походил на грохот взбесившейся молотилки. Звук был такой, словно гигантская муха билась о стекло или кто-то рвал на части огромный лист бумаги.

Третий... четвертый, пятый треугольники готовились пикировать.

Распластанному на земле Мурто было не до сравнений. Он дрожал, кусал землю и повторял: «Пришел мой конец!»

Описав в воздухе круг, первое самолетное звено вернулось, чтобы на этот раз сбросить бомбы.

Сначала раздался визг электропилы, вонзившейся в древесину, потом – взрыв, отозвавшийся у каждого в утробе, потом – снова визг и снова взрыв. Ожидание следующего взрыва растягивалось до бесконечности. Треск пулемета, проявлявшийся в паузах между бомбардировками, уже воспринимался как надоедливое шелканье метронома на бешеной скорости.

Яблоневого сада зажил другой жизнью. Сто тридцать сросшихся с ним внутренних голосов, сто тридцать беззвучных криков поверяли ему: «Следующая бомба моя! Эта точно моя!»

И после каждого взрыва сто тридцать тел ждали, что их поразит осколками. Руки инстинктивно обхватывали каски, словно люди отчаянно пытались помочь этим крошечным убежищам сохранить свой мозг, свое сознание.

И вовсе не надо было быть религиозным фанатиком, чтобы молиться: «Господи, спаси и сохрани!»

Люди оказались зажаты между небом, где был враг, которого они жаждали убить, и взбесившейся землей, которая ходила под ними ходуном, не желая их принимать.

После каждого взрыва становилось все меньше тех, кто в страхе ждал следующего. А в ушах остальных между ударами бомб звенели бешеные удары собственных сердец.

Во время короткого затишья, когда звено, отбомбившись, завершало круг, до людей, словно издали, долетел голос полковника, который командовал, как в манеже на разминке:

– Всем лечь на спину!

Но ни одно из распластанных на животе тел не пошевелилось, ибо в такой ситуации любой человеческий голос мог принадлежать только раненому.

«Так и есть! – подумал младший лейтенант Гальтье. – Полковника все-таки зацепило».

Но тут голос раздался снова:

– Ну и?.. Никто не желает подчиниться? Мурто! Лечь на спину!

Мурто послушно сделал над собой огромное усилие и, удивляясь, что тело все еще его слушается, повернулся на бок. В ту же секунду он открыл глаза и увидел над собой пикирующий самолет. Он вжался в землю.

– Я сказал – на спину!

Мурто перевернулся окончательно. Один самолет пролетел, другой начал пикировать. Тогда Мурто сказал себе, что вот сейчас и умрет. Но увидел, как самолет вышел из пике, и понял, что на спине помирать ничуть не хуже, чем на животе. А еще он увидел, что на дороге загорелся их автомобиль.

Тем временем его сосед Николая, опершись на локоть, тоже обрел способность видеть и бросил взгляд на Мурто, который смотрел в воздух. И Николая тоже перевернулся на спину. А за ним – и его сосед.

– Друзья, всем перевернуться на спину!

И сразу – кто нерешительно, кто резкими, конвульсивными движениями – все в этом вихре огня и металла начали поворачиваться лицом к небу. Ничком остались лежать лишь те, кто уже никогда не сможет пошевелиться. Это было похоже на круговую волну, медленно расплывающуюся от Мурто. И поле сражения потихоньку привыкало смотреть аду в глаза.

Бойцы увидели подполковника, который стоял очень прямо и нервно постукивал хлыстом по сапогу. Рядом с ним капитан де Навей наблюдал за бомбардировщиками в бинокль. Чуть поодаль, прислонившись к дереву, палил из пистолета адъютант Куэрик, и ни у кого даже мысли не возникло, что старина Куэрик не в себе, раз решил из пистолета подбить самолет.

Младший лейтенант Гальтье поднялся на ноги.

Над деревьями пятнадцать самолетов продолжали свою пляску смерти.

Гальтье, недавно окончивший Школу⁴, вдруг вспомнил правила и побежал к мотоциклу. Схватив автомат, он судорожно напряг память: «Когда на вас пикирует самолет, стреляйте без учета угла отклонения. Когда пикирует самолет...»

Самолет пикировал. Гальтье прицелился.

«...стреляйте без учета угла отклонения».

Гальтье дал очередь. Самолет все пикировал...

Вдруг Гальтье перестал чувствовать автомат в руках. Он хотел ощупать руки, но рук не было. Страшная тяжесть навалилась на него, и он упал на бок, повторяя: «Когда самолет... без учета угла...»

Мурто, который видел, как стрелял по самолету, а потом упал младший лейтенант, протянул руку и нащупал свой карабин. Николая сделал то же самое, и оба, лежа на спине, принялись стрелять в небо.

– Автоматы к бою! – скомандовал капитан де Навей.

И сразу раздались три автоматные очереди.

– Сынки! Стреляйте! Стреляйте! Только все стреляйте! Верно, Мурто? – снова послышался голос полковника.

Весь яблоневый сад разом зашевелился, начал подниматься, и все эскадронное оружие разом застрочило. Самолеты снизились и опять поднялись, явно озадаченные. Они снова отбомбились и вернулись еще пару раз, но летели уже не так низко. Затем шум моторов раздался уже где-то высоко в небе, и все пять звеньев исчезли.

– Продолжительность воздушной атаки – двадцать семь минут, – объявил полковник, поглядев на часы, словно хронометрировал заезд в конкуре.

В тишине голос его прозвучал оглушающе.

– Прекрасная мысль, господин полковник, заставить всех перевернуться, – сказал капитан де Навей и спрятал бинокль в футляр.

Люди постепенно поднимались. Страх превратил их покрытые пылью, грязью и копотью лица в трагические маски.

---

⁴ Имеется в виду Высшая школа верховой езды в Сомюре.

Земля вокруг воронок дымилась. Яблоневый сад был устлан цветами, осколками и стонущими телами. Ветви яблонь смешались на земле с кусками металла, ткани и человеческой плоти. Листья кружились в воздухе, как после бури. На расколоте стволе яблони висел искореженный мотоцикл.

Какой-то обезумевший солдатик вскочил на ноги, так и не успев понять ни того, что выбор уже сделан, ни того, что его товарищ рядом уже никогда не сможет пошевелиться. Он принялся носиться вокруг клубка бесформенного металла, который недавно был мотоциклами.

Треть эскадрона была уничтожена.

Вдруг полковник услышал, что его зовут. К нему ковылял Николая, волоча по земле раненую ногу.

– Господин полковник, господин полковник! Мурто! Там Мурто!

– Мурто? Что Мурто? – И Оврей де Виньоль направился к дереву, на которое указывал Николая.

Мурто лежал, обратив к небу свое грустное детское лицо. Автоматная очередь прочертила на его груди красную полосу, совсем как орденскую цепь.

– Так лучше, чем если бы в спину, – громко произнес полковник, а потом тихо и нежно, словно разговаривал сам с собой, добавил: – Мурто! Ты ведь знаешь, почему я тебя выбрал?

И Мурто, который еще не совсем умер, выдохнул:

– Да, господин полковник...

Ночной патруль

Клоду Дофену

Офицерам было запрещено в одиночку появляться на линии фронта после захода солнца. Собираясь проверить свои аванпосты, лейтенант Серваль вышел с отдаленной фермы, где расположился боевой отряд сержанта Дерше.

– Черт возьми! Как быстро стемнело, – сказал Серваль.

– Я дам вам двух сопровождающих, господин лейтенант, – ответил сержант.

– Нет, Дерше. Сегодня не надо. Здесь уже три ночи никто не спал. Люди очень устали. Я пойду один.

– Господин лейтенант, это несерьезно. В том углу полно патрулей, – настаивал Дерше.

– Не беспокойтесь, дорогу я знаю. Видимость достаточная, к тому же мой кольт при мне. –

И он демонстративно похлопал по кобуре.

Январское небо было черно, но путь освещал мерцающий снег. В бараньей шкуре поверх шинели, Серваль шел по траншее вдоль дороги, чтобы приглушить звук шагов.

«Что такое два километра? – думал он. – Бывало, по четыре хаживали».

Его тяжелые ботинки время от времени отламывали куски обледенелой земли, и тогда он невольно вздрагивал от хруста травы под ногами. Да еще темнота и снег увеличивали расстояние.

«За буком шалаш, за шалашом белый столб, потом поворот...»

Знакомые приметы медленно выплывали из тьмы. Поворот, несомненно, был самой опасной точкой маршрута. Именно здесь не раз возникали боевые столкновения. Серваль остановился, чтобы осмотреться.

Никого.

Он двинулся дальше. На животе, как раз посередине ремня, у него висел кольт в кобуре с расстегнутой крышечкой, чтобы в случае чего можно было тут же выхватить.

Серваль очень дорожил этим крупнокалиберным пистолетом, с которым еще его отец воевал в Первую мировую. Хотя, возможно, кольт был и слишком громоздким, и тяжеловатым...

– Человек, которого слегка заденет такая пуля, пусть даже в руку, упадет замертво от боли, – говорил майор Серваль, передавая пистолет сыну. – Бери! Он дважды меня спасал, и оба раза в пренеприятнейших ситуациях. Носи его все время с собой, как я носил. Это все, что я могу тебе пожелать.

Лейтенант на ходу провел рукой по рифленой рукоятке.

Поворот остался позади. Не было никаких причин ускорять шаг и еще меньше – чувствовать неприятный холодок под ложечкой...

Серваль различил в темноте изгородь, а за ней – полуразрушенную стену, стоявшую перпендикулярно дороге.

Однако, не дойдя до стены нескольких метров, он вдруг бросился на дно траншеи и выхватил пистолет.

Слева неожиданно возник источник света: слабый луч карманного фонарика, который светил очень низко, у самой земли, и проникал повсюду.

Сервалю этого было достаточно.

«Вражеский патруль». Он удивился, потому что услышал свой голос, прошептавший эти два слова, словно предупреждая того, кто шел следом.

Лейтенант прикинул расстояние: метров сто. Патруль его обнаружить не мог, так как после поворота он шел под прикрытием изгороди. Надо отсидеться несколько минут и идти дальше. Если только патруль не...

В темноте загорелся второй огонек, на сей раз гораздо ближе. Патруль опасно продвинулся в его сторону. Сколько же там человек?

Он с трудом различил на снегу, на уровне вырытой траншеи, три неясные тени, которые, пригнувшись, шли гуськом.

Серваль взвел курок и увидел еще один луч фонарика.

Траншея за разрушенной стеной упиралась в дорогу. В этом месте и должен был выйти патруль. Притаившись в траншее, Серваль чувствовал себя невидимкой: так, баранья шкура на снегу...

«В выигрыше будет тот, кто выстрелит первым», – сказал он себе и заранее напрягся, как зверь перед прыжком.

В передвижении теней возникла некоторая заминка, потом патруль снова двинулся вперед и скрылся за стеной.

Теперь лейтенант ждал момента, когда они выйдут на дорогу. Сердце гулко колотилось, но страха не было.

– Одним страшно уже заранее, – любил повторять он друзьям, – а другим – после события. Мне всегда страшно после.

Сейчас он был один против троих, а потому убедил себя, что его позиция выгоднее. Разве что... Разве что у него за спиной может оказаться второй патруль, который обходит стену с другой стороны. Маневр в высшей степени логичный и грамотный. У Серваля возникло острое желание посмотреть назад. Но пошевелиться означало выдать себя. Пришлось только зарыть ботинки поглубже в снег, чтобы не отсвечивали гвозди на подметках.

Метрах в тридцати впереди у дороги снова возникла тень. Серваль прекрасно видел плечи человека и круглую каску горшком.

Тень махнула рукой и скользнула за бруствер траншеи. Две другие последовали за ней.

Теперь патруль двигался по той же траншее, где, затаившись, лежал лейтенант. Ему были слышны тяжелые шаги по снегу.

«Ну все, они у меня в кармане», – подумал он.

О возможности появления второго патруля он уже не думал. Его целиком захватила игра не на жизнь, а на смерть, которая шла между ним и тенями. Серваль знал, что стрелок он отличный, а потому стал прикидывать шансы: «Их трое. Но у меня в пистолете девять пуль плюс преимущество внезапности».

Со стороны теней послышался какой-то резкий металлический звук. Серваль вздрогнул.

«Идиот! – подумал он совершенно равнодушно, как пожимают плечами, увидев ошибку карточного партнера. – Пусть дойдут до угла стены. Но не раньше! Если выстрелю раньше, то могу их упустить, и они сбегут».

На самом деле лейтенант хорошо видел только первую тень. Остальных он воспринимал фрагментарно: каска, торс, нога...

«Эх, если бы они шли не друг за другом!»

И тут, словно выполняя его пожелание, тени сбились в кучу. Теперь две из них шли по траншее бок о бок.

«Когда дойдут до угла стены... четыре пули наудачу. Потом вскочить – и еще три пули. Вот если бы еще и пленного взять!»

Момент приближался.

«До угла стены...» – твердил себе Серваль, сдерживая нетерпение и начиная целиться из-под левого рукава.

Тиканье часов на левой руке показалось ему оглушительным. Правая, сжимавшая пистолет, судорожно напряглась. Усилием воли он заставил руку расслабиться и поудобнее устроил указательный палец на курке. Еще четыре метра... еще три...

Патруль остановился. Серваль услышал тихий шепот.

Он уже собрался было выстрелить, но тут тени выскочили на дорогу, быстро ее перебежали и прыгнули в противоположную траншею.

Лейтенант подумал, что ситуация изменилась и теперь преимущество не на его стороне. Но, приподнявшись, он понял, что ошибся: патруль молча пошел дальше по другой стороне.

Снова вспыхнул луч фонарика, потом еще раз и больше не загорался. Спины патрульных растворились в снежной мути.

На командный пост лейтенант Серваль вернулся в ярости. Рассказав эту историю, он заявил:

– Я, как идиот, слишком долго ждал, чтобы выстрелить, и упустил их.

– Прекрасное нарушение инструкции! – засмеялся младший лейтенант Дюмонтье.

Несколько дней спустя во дворе столовой офицеры прислонили к стене мишень.

– Это в вашу честь, Серваль, – сказал капитан. – Представьте себе, что вы находитесь возле угла вашей пресловутой стены.

Лейтенант отошел на пятнадцать шагов от мишени, поднял кольт на уровень плеча и начал целиться, медленно опуская пистолет. Послышалось громкое клацанье.

– Ну, дорогуша, такой шум в следующий раз вас точно выдаст, – обернулся Дюмонтье.

Серваль побледнел, рука его задрожала.

– Ну что же вы не стреляете, старина? – спросил капитан. – Что с вами?

– Что со мной, капитан? Я никогда еще не испытывал такого страха после события. У меня осечка.

Вынув нож, он принялся разбирать пистолет. Пружина курка была сломана.

Всадник

Жан-Пьеру де Мез

– Господину маркизу надо бы взять с собой сапоги.

– Вы полагаете, Альбер?

Маркиз де Бурсье де Новуазис был занят составлением завещания. Он сидел за бюро, и его короткие ножки болтались в воздухе, не доставая нескольких сантиметров до пола.

– Ах, эта мобилизация... Как некстати! – заметил он.

– Тем более, – продолжал камердинер, – что господин маркиз, несомненно, не найдет среди казенной обуви сапог своего размера. Кроме того, на плакатах о мобилизации тем, кто явится в своей обуви, обещано возмещение расходов.

– Этого следовало ожидать. А потом... Ах да! Снимите в галерее саблю с крюка.

– Боевую, господин маркиз?

– Да. Припоминаю, что, когда я служил в полку, полковые сабли были для меня слишком тяжелы. И еще, Альбер, не уезжайте пока. Мой крест... Не забудьте отправить мой крест!

Маркиз де Бурсье был очень мал ростом. Он носил высокие каблуки и взбивал надо лбом расчесанные на прямой пробор курчавые волосы, но ничего не помогало: он все равно выглядел коротышкой.

Он снова принялся редактировать завещание, которое начиналось следующими словами: «Отъезжая в Республиканскую армию, где никто не знает, что может с ним приключиться...»

Согласно завещанию холостого маркиза, все его состояние, «или, точнее, все, что оставят от него эти мошенники нотариусы», отходило племяннику, виконту де Новуазису. Но можно было предположить, что после уплаты всех долгов виконт не получит ничего.

Маленькая ручка капнула на конверт с завещанием немного сургуча и запечатала его круглой печатью.

– Ах эта мобилизация... Как некстати! – продолжал сетовать маркиз.

Затем, в своих лучших сапогах, перепоясанный отцовской саблей, он отправился на сборный пункт кавалерийских войск Каркассона⁵. Маркиз числился младшим офицером резерва. Когда он прибыл, его попросили заполнить личную карточку. В графе «фамилия» он написал свою фамилию, в графе «имя» – Урбен Луи Мари, а в графе «вероисповедание» как ни в чем не бывало начертал: «Рыцарь Мальтийского ордена».

Это было все, что от него потребовалось в первый день.

Никто не собирался компенсировать ему стоимость сапог, да он особо и не рассчитывал. Однако сделал замечание чисто из принципа: ведь нетрудно догадаться, что все армейские интенданты – мошенники.

В отместку, хотя он и заявил, что обеспечит себя оружием, ему навязали тяжелую, неудобную саблю.

Спустя два дня его остановил во дворе казармы краснолицый комендант:

– Скажите, друг мой, вы принадлежали к «Кадр нуар»?⁶

– Нет, господин комендант.

– Вы бывший спаги?⁷

– Нет, господин комендант.

---

⁵ Каркассон – один из красивейших городов на юге Франции. В XIII веке, во времена Альбигойских войн, прославился мужественным сопротивлением войску крестоносцев.

⁶ «Кадр нуар» – элитное подразделение кавалерийских войск, выпускники знаменитой на весь мир Высшей школы верховой езды в Сомюре.

⁷ Спаги – солдат французской конной или танковой части в Африке.

– Тогда почему вы носите золотые шпоры?

– Я имею право, господин комендант. Я рыцарь Мальтийского ордена.

– А, так это вы написали в графе «вероисповедание»: «Рыцарь Мальтийского ордена»?
Сожалею, месье, но Мальтийский орден не принадлежит к военным орденам.

– Прошу прощения, господин комендант, но Мальтийский орден, напротив, принадлежит к военным религиозным орденам...

– Да, если вам угодно. Может, он когда-то и был военным, но теперь, по-моему, все-таки стал гражданским. Не хочу вникать во все эти тонкости, но будьте так любезны надеть никелированные шпоры. Как все.

Маркиз де Бурсье не стал объяснять этому тупице, который был выше его по званию, что, когда его производили в рыцари «именем недреманного миротворца святого Георгия и в честь рыцарства», ему вручили золотые шпоры, поскольку золото является «тем металлом, который символизирует собой честь».

Маркиз мог бы процитировать еще строк пятьдесят из старинных текстов, но посчитал это неуместным для человека, стоящего по стойке «смирно».

Шпоры он поменял, но в доказательство того, что остался верен ордену, прицепил к гимнастерке мальтийский крест.

Крест этот вызвал в гарнизоне некоторое смущение. В первый раз, когда сержант де Бурсье проходил через караульное помещение, караул ему отсалютовал. И потом неоднократно, когда он появлялся в городе, особенно в вечернее время, старшие офицеры, увидев белый крест на его груди, на всякий случай отдавали ему честь.

На сборном пункте ходили слухи, что он когда-то служил в иностранной армии, и офицеры избегали к нему обращаться, ибо неловко делать замечания человеку, у которого на груди приколот символ дворянства в шестнадцатом поколении.

Тем не менее однажды его вызвал к себе капитан д'Акенвиль:

– Послушайте, Бурсье, а не могли бы вы носить просто ленту... для декора... Как все мы носим?

– Господин капитан, – ответил маркиз, – я рыцарь по рождению и по призванию, и только мой крест...

– Да, понимаю, – перебил его капитан, – но уверяю вас, Бурсье, здесь это довольно-таки нелепо.

– Господин капитан, мне удивительно слышать подобные слова из ваших уст!

– Бурсье, делайте, что вам говорят. Видите ли, сейчас мальтийские рыцари... несколько устарели.

– Месье, обижая меня, вы оскорбляете орден Святого Иоанна Иерусалимского.

– О, если вы позволяете себе такой тон... то должен вам напомнить, что здесь вы не в командорстве, а в казарме!

– Месье, здесь я среди сброда!

– Месье, вы получите пятнадцать суток ареста!

– Месье, я пришлю вам секундантов!

Дело уладил полковник. Ни до дуэли, ни до ареста не дошло, и маркиза определили в канцелярию. По прошествии некоторого времени он заявил, что приехал воевать, а не возиться с никчемными бумажками.

Тогда его внесли в список первого же отбывающего на фронт эскадрона.

«Да, похоже, я выбрал не лучшее время для подачи рапорта», – подумал Бурсье, узнав, что попал под начало капитана д'Акенвиля.

Капитан воздержался от замечаний по поводу мальтийского креста. Он ограничился тем, что выделил сержанту Бурсье самую крупную лошадь в эскадроне.

Маркиз был отличным наездником, но всякий раз, как он садился на коня, его надо было подсаживать, как даму, что неизменно вызывало улыбки. Но он не обращал на это никакого внимания, ибо такой способ посадки в седло считался для аристократа в порядке вещей.

В первых же сражениях сержант Бурсье де Новуазис поразил весь эскадрон. Он всегда последним слезал с лошади, на случай если сразу дадут команду «В седло!»: ему не хотелось всякий раз испытывать трудности при посадке. Когда же он наконец оказывался на земле, то немедленно начинал отцеплять от седла саблю, с которой никогда не расставался.

– Бурсье, что вы там возитесь со своей зубочисткой? – кричал капитан, а взводы тем временем занимали позиции, и слышалось клацанье автоматов.

Бурсье не отвечал и продолжал не спеша заниматься своим делом – с высоко поднятой головой, в сдвинутой назад каске, с белым мальтийским крестом на груди и саблей, эфес которой доходил ему до подмышки. Он никогда не снимал перчаток, обращался к однополчанам только на «вы» и никогда не выполнял команды «Ложись!», даже при самых жестоких бомбардировках. Только однажды он пригнулся, сделав вид, что счищает грязь с сапога. Но он был на удивление везучим. Когда ему об этом говорили, он только плечами пожимал. В сущности, война его мало интересовала.

– Никогда не знаешь, кого убьешь, и никогда не знаешь, кто убьет тебя, – говорил он. – Снаряды получают от дьявола. Враг может быть сверху, сбоку или сзади, и мне очень хотелось бы знать, кто нынче сможет умереть, оказавшись лицом к лицу с врагом.

Однажды вечером уже изрядно потрепанный отступающий эскадрон занял позицию в заброшенной деревне. Все двери и окна в домах были распахнуты. Солнце садилось, и красные закатные лучи отражались в стеклах и освещали беспорядок внутри. Мебель валялась как попало. Видно, ее не смогли вывезти. Наверное, чем бедней были дома, тем позже покидали их хозяева. Посланные вперед разведчики ничего подозрительного не обнаружили.

Когда же капитан с группой командиров выехали на главную деревенскую площадь, их обстреляли из пулемета, и двое всадников были тяжело ранены. Сразу же прочесали всю деревню, обследовав каждую улочку. На всякий случай дали очередь по подвалам, но ответных выстрелов не последовало. Везде было пусто. Капитан снова выехал на главную площадь возле церкви. Никого. И капитан отдал приказ обустраиваться в деревне.

– Не будем терять время из-за одного мерзавца, который наверняка уже убрался.

В этот момент по мостовой снова полосула пулеметная очередь, едва не задев одного из старших офицеров. Капитан и те, кто его окружал, прижались к стене церкви под козырьком бокового входа.

– Не стойте там, капитан! – крикнул кто-то из бойцов. – Похоже, стреляют из дома священника!

Дом священника окружили, оцепили и обшарили от подвала до чердака. В окнах появились те, кто проверял дом, и просигналили, что там никого нет. Однако третья пулеметная очередь покрыла фасад дома звездочками сколов.

– Не слишком умно! – снова крикнули из рядов. – Непонятно, где прячется этот тип, но он еще тот наглец! Нужно его обязательно найти!

И бойцы, и капитан уже начали нервничать: опорный пункт могли атаковать с минуты на минуту. Разведка засекла вражеский мотоцикл, который вскоре исчез. Видимо, стычка была неизбежна. И во время боя не хватало только этого загадочного стрелка посреди деревни, как раз на пересечении трех главных дорог! Он не позволит наладить связь, создаст кучу проблем и будет вносить сумятицу там, где необходимо спокойствие.

– Ах ты, негодяй! – вскричал вдруг сержант де Бурсье, который, объезжая церковь, тоже попал под пулеметный огонь.

Он галопом пересек площадь и все не мог успокоиться.

– Вот негодяй! – повторял он.

– Как вы, Бурсье? Вас не задело? – спросил капитан.

– Нет, господин капитан, спасибо. Но я вычислил нашего стрелка. Он засел в церкви и стреляет с клироса!

– Вы уверены? Трудно же будет его снять!

Капитан д'Акенвиль внимательно разглядывал старую приземистую деревенскую церковь с готическими абсидами и темными узкими окнами. Окна разделяли мощные каменные контрфорсы.

Стрелок обнаруживал себя то справа, то слева за этими амбразурами, видимо скрываясь в бесчисленных церковных закутках. Если его удастся оттуда выкурить, он наверняка залезет на колокольню.

Капитану д'Акенвиллю не хотелось понапрасну рисковать людьми, но, с другой стороны, патронов, чтобы палить по камням наугад, у него тоже не было.

– Эх, сюда бы пару гранат! – воскликнул он.

Надо наконец решиться и войти в церковь. Всадники переглянулись. Смелости им было не занимать, и они не раз это доказывали. Но сражаться в храме, стрелять среди свечей, распятий и скамеек для молитвы... Наверное, стрелок, прятавшийся на клиросе, располагал целым ящиком патронов.

– Господин капитан, позвольте мне уладить это дело, – выступил вперед Бурсье.

– Что вы намерены предпринять?

– Я мальтийский рыцарь, господин капитан.

– Ну и что?

– Что? Я имею право въезжать в церковь на лошади, господин капитан!

И, не дожидаясь ответа, маркиз подозвал двоих людей, поставил их у створок церковных ворот и велел открыть их по его команде. Потом, гарцуя перед оторопевшим эскадроном, застегнул перчатки и вытащил саблю из ножен.

Низко висящее у горизонта красное солнце светило ему в спину, озаряя ворота и вспыхивая на лезвии сабли.

– Открывайте! – крикнул Бурсье и пустил лошадь в галоп.

На стороне маркиза были внезапность и яркое солнце. И потом, ему всегда везло...

Человек с автоматом ожидал чего угодно, только не всадника, несущегося на него с саблей наголо в лучах ослепительного света. От страха он метнулся за алтарь, растянулся на ступеньках и выронил оружие.

Фактор внезапности действует секунды три. За эти три секунды лежащий на ступеньках стрелок успел налюбоваться огромным красным солнцем между конскими копытами, топтавшими плиты пола. Он успел даже подняться, подхватить автомат и положить палец на спусковой крючок. А вот выстрелить не успел, потому что сабля вонзилась ему в самую середину груди.

Маркиз поднял глаза и увидел перед собой в нише каменного святого Георгия – при шпорах, с копьём, нацеленным на змея.

И тогда он понял, откуда шла к нему удача. Он спешился и преклонил колена.

На коня Бурсье сел сам, с церковной скамьи.

Выехал он шагом, и на груди у него красновато поблескивал в лучах закатного сердца мальтийский крест.

Сержант де Бурсье де Новуазис, рыцарь по рождению и по призванию, отсалютовав капитану, вытер клинок о листву растущего рядом вяза.

Белокурая девушка

Антуану де Таверности

Когда их выгрузили из санитарной машины, уже наступила ночь. Гортанный язык, который звучал вокруг и из которого они не понимали ни слова, поддерживал чувство нереальности происходящего. Оно возникло, когда горячие полосы пуль прошили их бедра, земля ринулась им навстречу и они разом погрузились во тьму, едва успев подумать: «Ну все, крышка!»

А потом несвязные образы начали складываться в смутные картины, словно нанесенные пунктиром, как дороги на военных картах, – это было их далекое прошлое, прошлое тех, кто стал бесплотным, а когда-то был крепким и здоровым. Всех раненых роднит чувство надежды, не исчезающее даже при виде палача. Перед ними проплывали неприветливые лица военных санитаров во вражеской форме, агонизирующие тела, привезенные с передовой, загипсованные руки и ноги. Странно холодили смоченные эфиром маски, странно безболезненно орудовал над человеческой плотью хирургический скальпель. В передвижных медпунктах они ничего не могли разглядеть, кроме лампочек на потолке. От покрытых клеенкой тряских каталок болели затылки. Кругом царил запах формалина, эфира и грязного белья. Полумрак медицинского грузовичка пронизывали только вспышки боли. А в конце пути их ждали наскоро побеленная палата, где их положили рядом, и пышногрудая медсестра.

Из восьми раненых только двое были раньше знакомы друг с другом, и оказалось, что они служили в одном полку.

Они называли имена офицеров и то и дело восклицали:

– А! Этот длинный брюнет, ну и сволочью же он оказался!

И между ними крепла благотворная иллюзорная дружба. Фейеруа и Лувьель изо всех сил старались поверить, что они частенько сталкивались во дворе казармы, у стойки быстро и даже в борделе.

– Так это ты заставил меня как-то вернуться в комнату, когда я заступил в караул, потому что у меня шинель была не почищена?

– Вполне возможно. И правда, что-то припоминаю...

– Ну просто умора!

Фейеруа подорвался на mine, и ему оторвало ногу. Кость на ноге раскрылась, как цветок лилии. Он занимал первую койку у окна, занавешенного черной шторой.

Толстяк Лувьель лежал неподвижно, вытянувшись: его грудь, шея и голова были закованы в гипс, и он очень досадовал, что от Фейеруа его отделяет еще один раненый – Ренодье. У того взрывом бомбы снесло всю верхнюю часть лица. Ренодье пока не догадывался, что ослеп, и ему все казалось, что волосы по недосмотру попали под повязку и лезут в глаза.

– Да уж, куда как смешно: оказаться в палате, которая непонятно где, – сказал Мазаргэ, занимавший шестую койку.

Как называется город, какой формы здание, где они находятся, да и вообще, в городе они или в замке, оборудованном под госпиталь, с красным крестом над крышей? Похоже, так и было, ибо городской шум долетал до них словно издалека.

– Как бы там ни было, ребята, а сестричку вы видели? Грудь как балюстрада, а сама страшная... Я бы...

И он завершил фразу хлестким похабным словом. Мазаргэ был южанином с блестящими глазами и оттопыренными ушами. Из его бедер и ягодиц извлекли с полдюжины осколков, и это ранение вызвало у него постоянный невыносимый приапизм.

Свет приглушили, и те, кто мог, уснули. Остальные же качались на волнах мучительного полусна.

Фейеруа долго разглядывал оконную штору из плотной черной ткани, похожую на занавеску в церковной исповедальне. В молочно-белом обводе рамы штора казалась замаскированным входом в царство мертвых. Фейеруа мучили фантомные боли в оторванной части ноги, а Мазаргэ с трудом сдерживал стоны при малейшем прикосновении к рубашке.

На следующее утро та же медсестра, с грудями как дыни, вошла в палату и подняла штору.

Комнату сразу залил солнечный свет, и раненые тут же почувствовали, какой скверный запах у них в палате.

Опершись на ладони, Фейеруа попытался приподняться на койке и скорчил благодетную физиономию.

– Эй, Фейеруа, как там снаружи? – раздался голос Лувьеля из гипсовой кирасы.

– Снаружи? – протер глаза Фейеруа.

– Ох уж эти волосы, все время волосы на лице, – пробормотал Ренодье, у которого из-под повязки виднелся только рот. – Тому, кто может смотреть, повезло: его поместили возле окна. Но надеюсь, что через несколько дней тоже смогу...

В палате повисло тягостное молчание, и Фейеруа, повернув голову к окну, сказал:

– Снаружи не так уж плохо. Грех жаловаться: мы не в самом захудалом углу. Тут есть маленький садик, за ним улица, а потом еще дома.

Он продолжил описывать пейзаж: дома низкие, кирпичные. По улице идет старик и на ходу читает журнал. Служащие расходятся по конторам.

Раненые, притихнув, внимательно слушали Фейеруа.

Стекла задрожали от шума мотора.

– Это проехал большой военный грузовик, а на нем парни с ружьями, – пояснил Фейеруа.

– А женщины, какие женщины на улице? – спросил Мазаргэ.

Фейеруа коротко рассмеялся, обнажив красивые белые зубы.

– Абсолютно не из-за чего переживать, мой мальчик, – ответил он. – Уверю тебя, ни одной хорошенькой мордашки.

– Да мне наплевать, хорошенькие они или нет, – отозвался Мазаргэ. – Мне не мордашку, а попку надо. Задницу мне, слышишь, задницу!

– Это ты за неимением своей... в порядке компенсации, – сказал Лувьель.

– Знаешь, ты тут не один такой, кому хочется, – прозвучал низкий бас с последней койки, – только мы из этого не делаем истории.

Фейеруа завернулся в одеяло, потом снова сел, посмотрел в окно и вдруг крикнул:

– Ого! Наконец-то красивая девушка!

– Правда? – удивился Мазаргэ. – А какая она?

– Блондинка, с косой, закрученной сзади в узел. И... ух какая хорошенькая!

В этот момент вошел врач с обходом. Языковой барьер не давал ему возможности общаться с ранеными, и он был похож на ветеринара, который спрашивает пальцами и от пальцев же получает ответ. Медсестра, слушая его указания, кивала головой. Когда врач обследовал рану обитателя последней койки, у которого из живота торчала двенадцатисантиметровая дренажная трубка, тот глухо застонал сквозь сжатые зубы.

– Не хотелось орать перед этими гадами, – проворчал раненый, когда ему сменили повязку.

– Гады или не гады, но надо признать, что нас-то они все-таки лечат, – отозвался другой.

– Ну что за паскудство! – воскликнул Лувьель. – Они сделали все, чтобы разорвать нас на куски, а потом, после всего...

– Вот уж действительно: человечество – сборище идиотов! – назидательно пробасил парень с дренажом.

Утро прошло без приключений, но после полудня Фейеруа снова сообщил:

– Глядите-ка, опять та самая утренняя блондинка! Смотрит в нашу сторону.

И он приветственно махнул рукой и улыбнулся.

– Вот шалава, она нарочно повернула голову, – бросил Фейеру, растягиваясь на койке.

Еще часа через два он снова объявил, что блондинка прошла мимо, но глаз не подняла.

– Думаю, это машинистка, – доверительно шепнул Фейеру Лувьелю.

В шесть часов она появилась снова, и на этот раз Фейеру торжествующе всех уверял, что она долго смотрела на их окно.

У него потребовали более детального описания: какова грудь, бока, бедра?

– Щиколотки? А вот на щиколотки я как-то внимания не обратил.

– Хорошие места в палате всегда достаются одним и тем же, – с досадой бросил Лувьель.

Ночь погружала обитателей палаты в тревожное оцепенение, а по утрам открывалась штора, и они опять обретали надежду. Шли дни, и постепенно на ритм больничной жизни, с ее измерением температуры, обходами, перевязками и кормежками, наложился совсем иной ритм, словно установилось другое время, в котором стрелка на циферблате подчинялась четырем ежедневным проходам блондинки под окнами палаты.

– Фейеру, ты влюбился, – говорили ему.

– Да нет, вы что! Не видите, я же шучу.

Но остальные семеро тоже влюбились. Интрига, развивавшаяся за оконным стеклом, стала их достоянием. Им казалось, что они здесь уже целую вечность и белокурая девушка проходила под окнами тысячи раз.

Их ничего больше не интересовало. Если Фейеру случалось задремать среди дня, всегда находился кто-нибудь, кто кричал ему:

– Эй, Фей, скажи-ка, может, уже пора?

Все знали, что до войны Фейеру был портным.

– Ох и оденешь ты свою блондинку!

А Фейеру думал: «Интересно, как же я сяду за свой портновский стол без ноги?»

Мазаргэ изнемогал. Он умирал от желания, ревности и уязвленной гордости и был готов на предательство. Он молил Бога, чтобы выйти из госпиталя раньше Фейеру.

«И как, интересно, он будет выглядеть на своих костылях?» А у него, Мазаргэ, только бедро чуть-чуть не гнется, зато плечи – во! – и вид нахальный и победоносный. Уж он-то пройдет по городу так пройдет!

Чтобы привлечь внимание к своей персоне, он без конца рассказывал всякие похабные небылицы. Но ему обычно бросали: «Заткнись, Мазаргэ!» – особенно если он начинал впутывать в свои приключения блондинку.

– Жаль, что ты не знаешь их чертова наречия, – заметил как-то Лувьель. – А то написал бы ей всякие нежные слова на большом листе бумаги, а потом отослал бы.

Тогда Фейеру пришла мысль вырезать сердечко из старой увольнительной и приложить его к стеклу.

Наутро отекавшее лицо Фейеру осветила широкая улыбка.

– Она приколотла на платье брошку в форме сердечка, – заявил он.

– А какое у нее платье?

– В зеленый цветочек.

Прошло еще два дня. И утром Фейеру, к которому начали, по обыкновению, приставать с вопросами, сказал:

– Сегодня она не проходила.

Это был тот самый день, когда врач, ощупав ногу Фейеру над культей, покачал головой, внимательно посмотрел на его температурный лист и сделал сестре знак глазами: ну, что я говорил!

В тот же вечер Фейеру, взглянув в сторону окна, прошептал:

– Ничего смешного в этом нет.
– В чем? – спросил толстяк Лувьель.
Фейеруа не ответил.
– Так что, сегодня вечером ты ее не видел? – настаивал Лувьель.
– Видел... Она проходила с другим...
– Так, может, это был ее брат!
– Да пошел ты! Все они шлюхи! – сказал Мазаргэ. – Им не сердечко в окне надо показывать, а...
– Заткнись, Мазаргэ! – крикнул парень с дренажом.
В палате воцарилось траурное настроение.
«Если у нее есть парень, это нормально, – думал Лувьель. – Но ведь могла же она хотя бы не ходить с ним так вызывающе под нашими окнами?»
Ночью Фейеруа сильно стонал, а утром так и не вышел из оцепенения, ни разу даже не посмотрев в окно. Палата с пониманием отнеслась к его печали.
А вечером, к удивлению всех, кроме врача, он взял и умер.
Тело его увезли, а койку застелили чистым бельем.
Мазаргэ подозвал медсестру с огромным бюстом и жестами объяснил ей, что хотел бы занять место Фейеруа.
Сестричка явно симпатизировала Мазаргэ, и он перебрался на другую койку.
Всю ночь он не сомкнул глаз. Волны воображения захлестывали его зелеными цветочками, белокурыми косами и розовым телом, чуть присыпанным веснушками.
И как раз когда Мазаргэ наконец задремал, появилась сестра и подняла штору.
Он сразу проснулся и приткнулся к окну, упершись лбом в стекло, как вопросительный знак.
– Черт! – крикнул он вдруг, упав обратно на подушку.
– Ты чего? Что случилось? Тебе плохо? – галдели раненые.
Мазаргэ изо всех сил пытался вернуть утраченное самообладание.
– Ну да, ясное дело, я с самого начала не сомневался, что Фейеруа нас просто обвел вокруг пальца, – сказал он. – Мне надо было самому убедиться.
По ту сторону окна не было ничего, кроме серой стены и нескольких мусорных куч.
И тогда Лувьель, закованный в белый гипсовый шишак, вдруг почувствовал на лице глупую сырость нежданных слез.

Апоплексический удар

Фредди Шовело

«Вас интересует, отчего умер Ла Марвиньер? – спросил наш приятель Магнан. – Не знаю. Он умер мгновенно, у меня на глазах, в тот вечер, когда объявили перемирие. Я не врач и не берусь вникать в причины, но мне кажется, он был сердечником. Он сам говорил. Необыкновенный был человек. Я и видел-то его всего два-три раза, но не забуду никогда.

Первый раз мы встретились в Нормандии, в низовьях Сены, в маленькой деревушке под названием Рейенвиль. Я приехал за донесениями связных и справился о нем. Мне ответили:

– Полковник Ла Марвиньер? Вы найдете его на генеральском командном пункте. Сами увидите. Высокий такой, худой и очень бледный.

Дивизионный командный пункт находился в доме священника. Можете себе представить: накануне его установили, а на следующий день уже сворачивают, и в саду юре без конца трещат мотоциклетные моторы... Я вошел. Генерал был у себя: он изучал карту, а вокруг него столпились человек шесть старших офицеров. Он обвел красным карандашом широкий круг на карте. Младший офицер быстро строчил на пишущей машинке, отбивая себе пальцы; взад-вперед сновали дневальные. В углу, прислонившись к стене, одиноко стоял высоченный, какой-то нескончаемый человек с пятью нашивками на пилотке и рассеянно смотрел в пространство. Это был Ла Марвиньер. Он опирался на высокую, как у Людовика Четырнадцатого, трость, которая оканчивалась какой-то странной кожаной насадкой, видимо предназначавшейся для измерения, а вот чего, я не знал. Вид у него был скучающий. Похоже, все, что происходило вокруг, его не интересовало.

– Приветствую вас, – сказал он, прикладывая два пальца к пилотке. – Что это вы там принесли?

Пока он читал, я успел его разглядеть. Поистине, такого необычного лица я еще не видел. Крупное, удлиненное, со сломанным, вдавленным внутрь носом и огромными, навывкате, голубыми глазами, которые выползали из глазниц, как улитки. Моранж сказал как-то: „Когда Ла Марвиньер сидит за столом, все опасаются, как бы его глаза не упали в тарелку“. Мало того, на щеках, на висках – повсюду виднелись шрамы, а цвет лица отличался неестественной бледностью. Такими бледными становятся годам к двенадцати анемичные дети.

– Вы что-нибудь ели, старина? – спросил он меня. – Нет? Тогда идемте со мной, я приглашаю. Я больше не нужен, господин генерал? Можно идти? Мое почтение!

И он откланялся. Едва мы вышли из командного пункта, как началась бомбардировка. Над нами пикировали, поднимались и снова пикировали самолеты, дом дрожал. В деревне были брошены в беспорядке сотни две автомобилей. Метрах в тридцати от нас горел грузовик. Началась паника, и люди попадали ничком на землю. А Ла Марвиньер стоял у обвалившейся стенки, опираясь, по обыкновению, на трость, и ждал, когда все кончится. Каска так и осталась висеть у него на поясе. Очень неловко находиться рядом с полковником, который стоит во весь рост, когда тебе самому хочется вжаться в землю, распластаться, как все, и стать незаметным. Когда он слышал свист бомбы слишком близко, то слегка втягивал голову в плечи, а потом, уже после взрыва, снова принимался глядеть в небо. Вдруг сквозь грохот до меня донеслось:

– Да ложитесь же вы, старина! Я – другое дело. Я предпочитаю стоять прямо, потому что... я сердечник.

Бомбежка длилась минут десять-двенадцать. Наконец проснулась зенитная артиллерия, и самолеты убрались восвояси. Люди начали подниматься с земли. Один из них бежал мимо нас, крича как одержимый. Полковник остановил его тростью:

– Ну что? Худо пришлось? А я, как видишь, никогда не бегаю и до сих пор жив.

И кривая усмешка приподняла его редкие рыжеватые усики. А совершенно потерявший голову солдат кричал:

– Но, господин полковник! Вон, посмотрите! Это они сбросили!

В нескольких шагах от нас, за низкой стенкой, лежала неразорвавшаяся мина. Она устроилась в траве, как молодой кабанчик, разве что хвост был стальной и чуть длиннее. Трава вокруг еще дымилась. Вместо того чтобы отскочить, мой Ла Марвиньер подошел, провел рукой по стенке и начал придвигать к мине кожаный наконечник трости, приговаривая:

– Любопытно! Любопытно!

– Думаю, мы с вами еще легко отделались, господин полковник, – заметил я.

Он бросил „да!“ и продолжал свое занятие. Потом, все так же улыбаясь уголком рта, спросил:

– Наверное, лучше ее не трогать, а? Кажется, бывают такие, которые взрываются с запозданием... Что вы об этом думаете?

Я с удивлением заметил, что солдат просто остолбенел. Он, прерывисто сопя, следил за движениями полковника, но больше не орал. Он успокоился».

Магнан помолчал, закурил сигарету и продолжал:

«Да, замечательный был человек. Это словами не передать, можно только почувствовать. Повелитель! После налета мы уселись в автомобиле. У него была превосходная машина с флажком подразделения. Сначала он объехал все свои эскадроны, чтобы оценить урон от налета. А потом мы вошли в дом, где он устроил столовую. В одном из окон вылетело стекло, но стол был тщательно сервирован, тут же находился ординарец, одетый в белую куртку метрдотеля. Я не удержался и спросил:

– Давно вы здесь, господин полковник?

– Здесь? Мы прибыли нынче утром. А, это вас, наверное, удивила куртка Топара? Я считаю, что так надо. Видите ли, дорогуша, не понимаю, почему если война, то надо полностью отказываться от своих привычек. Если есть возможность... Как вы полагаете? И потом, это поддерживает моральные устои войска. И он такой миляга, этот Топар: он готовит мне ванну, он знает все мои причуды. Топар! Капитаны уже обедали?

– Да, господин полковник.

– Прекрасно, подавай на стол.

За обедом – а это был настоящий обед, какого я давно уже не помнил, с отменным бордо, извлеченным из багажника, – Ла Марвиньер, заметив, что я разглядываю его с нескрываемым любопытством, сказал:

– Вы думаете, у меня не все в порядке с головой?

– Вовсе нет, господин полковник!

– А вы не стесняйтесь, говорите начистоту! Видите ли, моя бедная матушка наградила меня внешностью хоть и не такой уж приятной, но вполне сносной. Если бы она сейчас с небес могла видеть, во что я превратил свою физиономию! Нос, к примеру, – результат падения в конкуре. Моя лошадь получила эмболию⁸, когда брала высокий барьер, и упала замертво. А это, – он показал на глубокий, как дыра, шрам на нижней челюсти, – след от пики одного улана в четырнадцатом году. Представьте себе, я-то был вооружен саблей! О, я занятный старичок! А вот это... – он потрогал розовое безволосое пятно над виском, – это меня задела пуля в Марокко. Остальное уже не так интересно, хотя я смело могу утверждать, что все воспоминания начертаны у меня на голове.

Он говорил, почти накрывая веками свои огромные глаза, нависающие над впадиной на месте носа. Обед подошел к концу...

– До свидания, господин полковник!

---

⁸ Эмболия – мгновенное нарушение проходимости кровеносного сосуда. Чаще всего причиной эмболии становится тромб.

– До свидания, дружок!
И я уехал.

Восемью днями позже, как раз в пик сезонного спада воды в реке, меня послали с приказом к Ла Марвиньеру, занимавшему вместе с оставшимися в живых бойцами своих подразделений позицию в поле. Они стояли недалеко, километрах в пятнадцати-двадцати. Согласно приказу, полковнику надлежало как можно скорее переправиться через Луару. Дорога была спокойной, машин не попадалось, только несколько маленьких заплутавших групп спешили на юг догонять своих. И больше никого, разве что мычание в поле недоенные коровы. Но мне вовсе не хотелось, чтобы меня за первым же поворотом как кролика схватили за шиворот. Наконец слева я услышал стрельбу.

„Ага, значит, Ла Марвиньер должен быть где-то здесь“. И верно: я подъезжал к деревне.
– Полковник? Он там, на ферме.

Еду на ферму, и что же я вижу? Посреди двора в большой лохани сидит Ла Марвиньер и принимает ванну. Рядом с ним на стуле висят брюки и гимнастерка, тут же прислонена трость Людовика Четырнадцатого, а напротив стоит ординарец с зеркалом. И Ла Марвиньер спокойно бреется. Потом я понял, что это был ритуал: он каждый день обязательно принимал ванну. Поэтому первоочередная забота ординарца на новом месте состояла в том, чтобы найти емкость, в которую полковник поместился бы целиком. Задача не из легких, если учесть его немалый рост. В то утро он встретил меня такими словами:

– А! Рад вас видеть! Я всегда спрашиваю себя, что случилось с теми людьми, с которыми я обедал? Назовите-ка ваше имя. Да! Магнан! Так оно и есть. Что там у вас на этот раз?

И он протянул мне свою огромную мертвенно-бледную ручищу.

– Приказ об отступлении, господин полковник.

– Об отступлении? Но я только и делаю, что отступаю. И куда, по-вашему, я должен отступать? Нас атаквали со всех сторон и, похоже, собираются уничтожить. Куда отступать?

– За Луару, господин полковник.

– Какое же это отступление? Это уже бегство!

– Приказ срочный, господин полковник. Мосты будут взрывать.

– Ладно, это мы еще посмотрим... Но не могу же я отступить с небритой щекой!

И он снова принялся бриться, старательно подравнивая линию усов. Этот человек обладал способностью заражать своим спокойствием. Однако я услышал, что стреляют уже все ближе. В этот момент появился младший офицер.

– Господин полковник, здесь скоро будет жарко. Меня послал к вам капитан Дюшмен.

– Прекрасно! – сказал Ла Марвиньер. – Передайте капитану, чтобы он держал меня в курсе. Скоро буду.

Я думал, он сразу вылезет из своей бадьи. Ничуть не бывало!

– И велите поднести мне ящик с гранатами. Так, чтобы я мог достать рукой. – Тут он обернулся ко мне: – Меры предосторожности никогда не помешают. Я всегда остерегаюсь неожиданностей. И потом, я ведь вам уже говорил, что я...

– Сердечник, господин полковник? – улыбнулся я.

– Совершенно верно! Не смейтесь. Любопытно, что никто не желает в это поверить. Топар! Салфетку... – Он вытер руки. – Карту...

У него была только карта Мишлена, и хорошо, что была.

– Так! А теперь, Магнан, вы мне окажете небольшую услугу. Подойдите-ка!

Я наклонился к его голому плечу.

– Я буду отступать вот здесь, по мосту Б. Не будете ли вы так любезны попросить не взрывать мост до... Который теперь час? Десять? До половины первого. Идет? Езжайте тотчас же. Спасибо, старина. До скорого.

Пули уже цокали о землю совсем близко. А он снова окунулся в бадью:

– Еще минут пять. Сегодня такая жара...»

Магнан непроизвольно заговорил голосом полковника, потом продолжил уже своим голосом:

«Сознаюсь, я уезжал с сожалением. Я дорого бы дал, чтобы увидеть, как Ла Марвиньер, выпрямившись во весь свой огромный рост, швыряет в неприятеля гранаты.

Конечно, в половине первого он к мосту не подошел. В три часа охрана получила приказ взорвать мост. И с этого момента мы мысленно занесли Ла Марвиньера в списки погибших. Все о нем сожалели и говорили, что он хоть и был совершенно чокнутый, но... Если бы все вели себя так, как он!

Однако двадцать пятого июня... – Магнан слегка помолчал и тихо заговорил: – Господи, какой был прекрасный день! Вы не поверите... Итак, двадцать пятого июня, проезжая маленький городок на севере Дордони, я узнал, что Ла Марвиньер находится там. Я застал его в доме нотариуса. На дверях висела табличка «Командный пункт полковника», с цветами его герба, стоял часовой, на месте был дневальный – словом, все как положено. Невозмутимый Ла Марвиньер со своей неизменной тростью восседал на стуле времен Генриха Второго.

Первыми моими словами были:

– Господин полковник, что с вами тогда случилось?

– Что со мной случилось? Ничего. Мы переправились вечером на лодках, а потом... Меня словно все забыли, и вот я теперь воюю в одиночку. Но я уверен, что теперь...

– Теперь, господин полковник, дела идут не лучшим образом.

Он пожал плечами, как будто ему это было безразлично.

Мы еще несколько минут поговорили, и я уже собрался было спросить, пришлось ли ему воспользоваться теми гранатами. Вдруг влетел сияющий, запыхавшийся солдат и крикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.